

Софья Сергеевна Уранова

9 мая 1910 – 1988

**ЧЕТЫРЕ ГОДА в ШИНЕЛИ
фронтальной дневник художницы
1942-1945**

М.: Советский художник. 1967

136 с., илл.

Веб-публикация: Vive Liberta, 9 мая 2011 года

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

**Сканированные рисунки Софьи Сергеевны выложены отдельно
в альбоме «Четыре года в шинели»**

<http://folki.yandex.ru/users/enlightment2005/album/161152/>

Несколько слов о художнике

Автор этого дневника – Софья Сергеевна Уранова – ученица известного русского художника академика живописи Михаила Васильевича Нестерова.

Чтобы основательно изучить технологию живописи, С.Уранова поступила в Реставрационные мастерские Музея изобразительных искусств, где работала несколько лет под руководством художников В.Н.Яковлева и П.Д.Корина.

Большую поддержку в образовании оказал ей Алексей Максимович Горький. Он приобрел ее первую самостоятельную работу по живописи. При его содействии она получила возможность совершить путешествие по Западной Европе и ознакомиться с шедеврами мирового искусства в музеях Италии, Англии, Франции, Германии, Австрии, Польши.

Весной 1942 года Уранова добровольно вступает в ряды Советской армии, где служит до 1946 года.

Вместе с 12-й гвардейской дивизией она прошла ее славный боевой путь. Этапы этого пути – Калуга, Тула, Орел, Украина, Днепр, Белоруссия, Брест, Прибалтика, Польша, Германия, Одер, Берлин. Весну 1945 года С.Уранова встретила на Эльбе.

Орден Красной Звезды и медали за Варшаву, за Берлин и за Победу над Германией – память о тех годах.

На фронте С.Уранова сделала большую серию зарисовок и рисунков с натуры. Часть ее военных рисунков приобретена Государственной Третьяковской галереей и другими музеями. Ее работы многократно экспонировались на выставках графики и живописи. Большая выставка военных рисунков С.Урановой состоялась в Бресте в июле-августе 1964 года.

Один из рисунков, созданных художницей в 1942 году, явился эскизом к картине С.Урановой «Военфельдшер Наташа Михалева. Медсанбат», которая экспонировалась в Москве на выставке «Защитникам Москвы посвящается».

С.Уранова – автор нескольких опубликованных воспоминаний и записок (см. сборники «Горький и художники», М.: изд-во «Искусство», 1964; «Дорогой борьбы и славы», М.: Госполитиздат, 1961; «Берега Балтики помнят», М.: Политиздат, 1966).

*Поездка на Карельский перешеек
Вместе с Отчеством в военное время*

Письмо начиналось так

«31 мая 1941 года

Здравствуй, Софья Сергеевна!

С приветом к вам лесоруб Гавриков Сергей и ото всей бригады и еще от Павла Александровича и Марфы Петровны привет Софья Сергеевна, сейчас здесь жизнь стала веселая, развернулась береза, трава, и вся зелень ожила. И комната свободна, и здесь можно поработать.

Затем прощайте, остаемся живы и здоровы, чего и вам желаем. И еще извините, что плохо написал, но я не могу лучше, потому что я окончил три класса, через это и режу дрова, что неучен.

Приезжай, Сергеевна!»

Это письмо я получила из бригады брянских лесорубов, работавших в ту пору на заготовке леса в Карело-Финской ССР.

Мое знакомство с ними произошло ровно за месяц до этого письма в конце апреля 1941 года.

Вот как это было.

Уже два года, как все внимание и все мои мысли были сосредоточены вокруг военных событий 1939—1940 годов, когда шла война на Карельском перешейке. Документы, материалы, будь то газеты, радио, письма с фронта, кинохроника, статьи и стихи наших писателей, находившихся в войсках Красной Армии, — все это было мной прочитано и изучено.

Я работала над эскизом к задуманной картине «С поля боя».

Эскиз картины был принят и одобрен большим Художественным советом.

В апреле 1941 года решила ехать на Карельский перешеек с твердым намерением собрать там материал для картины. Я приехала в Ленинград и, признаюсь, растерялась. Куда же держать курс? Карельский перешеек велик. Справки, разъяснения, маршрутные книжки — все получено, подписано. Но не хватает чего-то главного... Чего же?

Неожиданные обстоятельства приходят на помощь. Мне советуют обратиться к писателю Николаю Семеновичу Тихонову, который участвовал в походах 1939—1940 годов.

Тихонов молча выслушал мои весьма сбивчивые от волнения планы, и мне показалось, что через несколько минут он уже понял всю суть дела.

Не формально, а искренне разделяя мой порыв и желание уяснить, узнать, а главное прочувствовать тот мир, который впервые открывался передо мной, он начал не с того, чтобы указать направление или станцию, куда поехать, — нет, он начал с главного — с рассказов о походах, о линии Маннергейма.

На столе — карта. Вот она—линия Маннергейма. Тихонов ведет карандашом и показывает мне основную оборонительную полосу от Ладожского озера через Сумму, высоту 65,5 и дальше к Финскому заливу. Он рассказывает горячо, увлеченно. Во всем чувствовалось такое глубокое знание военного дела, что мне казалось, будто предо мной не только писатель, поэт-воин Тихонов, но и настоящий военный историк!

На другой день рано утром я отправилась поездом в район Перкиярви — Кямьяра, указанный мне Тихоновым.

Станция Кямьяра. Хмурый еловый лес. Отсюда налево семь километров по глухой безлюдной дороге на кордон к лесникам. Снег в лесу еще не растаял. Обожженный огнем лес кажется угрюмым, сумрачным и страшным. Вся жизнь здесь вымерла. Не только зверя или человека, но даже птицы нигде не видно.

Вот, наконец, замелькали сквозь деревья домики кордона. Их всего-то два но каким теплом, какой мирной жизнью повеяло оттуда!

Удивленно встретили меня лесорубы и даже слегка недоверчиво. Разговорились. Но не прошло и получаса, как мы нашли общий язык. Они сразу почувствовали цель и искренность моих намерений, приняли живое участие в моих планах. Оторванные от людей, будто на зимовке, утомленные однообразной тяжелой работой, как они рады были новому

человеку, приехавшему из далекой земли московской, проявившему живой интерес к их жизни, труду, их краю

Они начали наперебой рассказывать о войне, особенно Сергей Гавриков, необыкновенно душевный человек, бывший боец, прошедший всю войну через эти хмурые леса, чудом оставшийся в живых. За полночь длились его рассказы, бесхитростные, полные живой правды.

Наутро было решено отправиться на линию Маннергейма. Пришлось встать на лыжи.

— Пошли! — деловито сказал Гавриков. — Сперва на урочище Сумму, дальше на Хотынен, а там и на Бобошино! — и мы вчетвером тронулись в путь.

Каких чудесных проводников послала мне судьба! Мы обошли вдоль и поперек весь район. Здесь я впервые увидела и землянки, и блиндажи, и доты, и надолбы, и хитрые проволочные заграждения. Дзоты были уничтожены и только редкие из них уцелели.

На высоте 65,5 и на Хотынене мы наткнулись на огромные полуразрушенные «миллионные» доты, которые я уже представляла себе по рассказам Тихонова.

Мы спускаемся в глубину казематов, идем ощупью по коридорам, освещаем карманными фонариками подземные комнаты... Да тут целые казармы! Наконец, через узкий лаз проникаем в бронеколпак. Он — цел! Легким движением руки бронеколпак плавно поворачивается в ту и другую сторону, и через смотровую щель мы сами видим, как враг просматривал отсюда всю местность, встречая нас ураганным огнем.

Мы ходили весь день и подошли, наконец, к Бобошинскому лесу. Он весь скошен артиллерией. Вместо высоких зеленых вершин и могучих деревьев стоят теперь одни голые стволы.

Я возвратилась в Москву, чтобы оформить скорее официальное разрешение и документы, вернуться на Карельский перешеек, написать здесь этюды для картины и сделать серию рисунков. Но расставаясь с лесорубами, я просила их тогда подготовить мне помещение, где можно было бы работать.

В начале июня 1941 года от них было получено письмо, с которого я и начала свой рассказ. 21 июня у меня все было готово для отъезда, а 22-го началась Великая Отечественная война.

Я знала, что уйду теперь на войну, что нет такой силы, которая оста-

новила бы меня. Участвовать в великом общем движении, выполнять любую работу для армии — все равно какую лишь бы быть рядом с солдатами — и, если будет возможно, рисовать походы по живым следам! Но как попасть в армию, не имея военной специальности, не зная даже винтовки?

Я ходила, просила, убеждала, настаивала. Но дело не двигалось с места.

Кругом была цепь непреодолимых препятствий.

Однажды мне пришла в голову мысль: не сменить ли мне сейчас заранее гражданское платье на военную форму? Не облегчит ли это мою задачу?

Я заказала шинель, купила валенки, сапоги и шапку, которую стала носить без звездочки.

И вот зимой 1941 года, заручившись удостоверением от Московского Товарищества художников, в лютую стужу, в сорокаградусные морозы я уехала под Тулу, в надежде устроиться в какую-либо военную часть. Но напрасно! Предъявленный мной документ был столь неубедителен, что меня вскоре отправили обратно.

Казалось, все было кончено.

Но вот, как бы завершая круг «хождений по мукам», рухнули, наконец преграды!

Ранней весной 1942 года благодаря содействию Оргкомитета Союза художников СССР мне удалось поступить добровольцем в одну из гвардейских дивизий действующей Армии, куда я и была зачислена рядовым.

12-я дивизия находилась в Тульской области*. Мне была поручена работа писаря в штабе артиллерии дивизии.

С утра до вечера скрипела я пером или стучала на машинке, переписывая без конца оперативные сводки, приказы, доклады о боевых действиях полков. Всю весну и лето мне пришлось пробыть в штабе. Работы было много, рисовать было некогда да и нечего. Боевая жизнь передовых позиций кипела далеко.

Однако бывало и так, что политотдел откомандировывал нас в другие части.

---

* 12-я гвардейская дивизия образовалась из 258-й дивизии, формировавшейся в начале войны в Орловской области, и 194-й кадровой дивизии, сформированной в 1939 году в Новосибирской области.

Мне не забыть тот день, когда нас откомандировали в медсанбат помочь медперсоналу — так много было раненых

«В три часа дня нас повезли. Когда я вышла из машины — перед глазами открылось страшное зрелище на огромной луговине, прямо на земле, на соломе или сене лежали раненые. Их было много, не сосчитать!

Серые побуревшие шинели и гимнастерки окровавленные бинты. Крики и стоны доносились из операционных палаток.

У меня потемнело в глазах. Но это было в первую минуту. Немедленно надо было действовать. Некоторые раненые просили пить, других следовало накормить, иные молили просто об утешении, и надо было их утешать и обнадеживать.

Я остановилась в ожидании распоряжений. Меня окликнули

— Товарищ! Вы можете помочь? Идите за мной.

Передо мной стоял майор, начальник медсанбата, который принял меня за медработника.

— Вы кто? — спросил он меня на ходу.

— Художник — сказала я по старой привычке.

Улыбнувшись, он процедил сквозь зубы:

— Да-а! Хотел бы я с вами встретиться в другое время. Ну, все равно, идемте.

Он привел меня в палатку. Шли операции. На пяти столах лежали тяжелораненые.

Мне поручили вести записи по карточкам раненых и заносить в регистрационный журнал. Все это надо было делать быстро, со слов врача, и я едва успевала записывать непривычные малознакомые медицинские термины.

В это время над нами послышался гул бомбардировщиков. Что это? Неужели налет авиации на медсанбат? И вдруг ударили зенитки, автоматы, винтовки, грохнули где-то орудия, со свистом падали и рвались бомбы от напора воздушной волны палатки ходили ходуном.

Хирурги продолжали вести операции, стараясь действовать своим спокойствием на раненых. Те же раненые, что лежали на лугу, сильно стонали и вскрикивали при каждом разрыве бомб. Это было похоже на ад!

В течение часа с небольшими перерывами 75 фашистских самолетов варварски бомбили наш медсанбат. Трудно поверить, что никого не убило.

... Вот уже несколько дней, как нас посылают в медсанбат. Картина на лугу все та же... Раненых везут и везут. В полдень огромные, мохнатые, почти черные тучи обложили все небо. Вдали грохотал гром, вспыхивали молнии. Налетел ветер, порывистый, как ураган. Страшная гроза надвигалась с необыкновенной быстротой. Вдруг стало темно, как в сумерки. Внезапный общий испуг овладел израненными людьми. Мы быстро собрали носилки и укрыли всех под деревьями на опушке леса.

Мне пришлось работать вместе с одной, еще совсем юной девушкой из медсанбата, которая самоотверженно помогала в этом трудном деле. Носилки с людьми были так тяжелы, что мы с ней едва могли их подымать. Напрягая все силы, с полным самообладанием, мы все же справились с этой нелегкой задачей.

Начался ливень. Мы забралась под военную повозку.

— Как зовут тебя? — спросила я девушку.

— Наташа Михалева. Военфельдшер я, — отозвалась она, утирая мокрое бледное личико своим белым халатом. — Что творится! Подумайте, вчера бомбили, сегодня гроза, словно смерч, налетела... Каково раненым-то нашим! — и она заплакала. Я и сама готова была плакать.

Когда отшумела гроза, мы вновь взялись за носилки и до позднего вечера были возле раненых, помогая сестрам.

Прощаясь с Наташей, глядя на ее нежное одухотворенное лицо, я подумала: какой светлый образ русской женщины, добровольно взявшей на себя тяжкий крест!..

Октябрь 1942 года

Уже осень, облетают листья, дожди и грязь в нашем Чернышинском овраге. С утра меня послали в оперативный отдел. Неохотно вышла я из землянки. По всему лесу шумит дождь. Осыпается красная рябина, вершины оголенных деревьев упираются в низкие тучи.

Повсюду в этом холодном осеннем воздухе чувствовалось неуловимое дыхание смерти и, несмотря на то, что так мрачно и грустно было в лесу, что-то неудержимо тянуло замедлить шаг, остановиться...

Из глубины чащи потянуло сыростью, и внезапно подул ветер. Не то белый платок, не то лист бумаги взметнулся вдруг из кустов, пролетел мимо, зацепил за шинель, и я невольно схватила его рукой. Это был обрывок какой-то газеты без начала и конца.

Не знаю, что побудило меня всмотреться в этот листок, но руки мои похолодели и глаза не могли поверить тому, что я читаю... Некролог о смерти великого русского художника Михаила Васильевича Нестерова, моего учителя и наставника!

Нестеров — умер, и я не в силах постичь смысл этих жестоких слов!

...Октябрь 1942 года

Вот уже сколько времени прошло, а мне не дает покоя образ девушки из медсанбата Наташи Михалевой. Необходимо разыскать ее, сделать хотя бы рисунок. К счастью, завтра наша грузовая машина идет в медсанбат, и я приложу все силы, чтобы вырваться.

Приехали рано утро. Долго искала Наташу по территории. Случайно заглянула в изолятор. Вошла и остановилась пораженная. Передо мной картина, самой жизнью созданная картина! Полная такой красоты, и так совершенна по композиции!

Наташа стояла в глубокой задумчивости, прислонившись плечом к зыбкой стенке палатки, устремив взгляд куда-то вдаль. Печальные усталые глаза, покрасневшие от бессонных ночей. Раненые — одни спят тревожным сном, а тот вдали, что у оконца, весь погружен в раздумье. Тихо, и только в печке потрескивают дрова.

— Наташа, — сказала я, боясь потревожить покой раненых и внезапным вторжением нарушить тишину, — Наташа! Вот где я буду рисовать тебя! Ты не знаешь, как это прекрасно, не видишь, не сознаешь! Есть ли у тебя время? Если есть, то будем работать!

Я рисовала долго, стараясь сохранить и главное и все детали, все мельчайшие подробности. Мысленно я уже видела картину в красках, большую, на холсте...»

28 октября 1942 года

Так день за днем работая в штабе, постепенно начала я разбираться в общей обстановке и скоро поняла, что мне надо быть на передовой, в полку и только там.

Мои настойчивые просьбы о переводе в полк дошли, наконец, до командира дивизии генерал-майора К. М. Эрстова. Он вызвал меня.

— Я не понимаю вашего рапорта. Разве вам здесь плохо?

— Товарищ генерал! Отправьте меня в любой полк нашей дивизии, — сказала я.

— Но там убьют вас! — иронически заметил он. — Что заставляет вас просить об этом? Что вы будете там делать?

— Так же служить, товарищ генерал! И при малейшей возможности рисовать, — ответила я.

— Рисовать надо в Москве, товарищ гвардии рядовой, а в полку надо стрелять! — сказал он, снисходительно улыбувшись. Я долго говорила с ним, стараясь объяснить ему свои задачи, убедить в серьезности моих намерений. Мне казалось, что он понял меня.

— Ну что ж, если вы уже так настаиваете, посмотрим, когда будет возможность, переведем вас на ту же должность. Надо ждать.

Мне вспомнилась одна мудрость: «Тому, кто умеет ждать — время приносит все».

... И поздней осенью, как только выпал снег, меня отправили в распоряжение 31-го гвардейского артиллерийского полка нашей дивизии. Я была почти у цели.

Здесь, изучая понемногу жизнь полка, я убедилась в том, что надо быть еще и еще ближе к походной жизни, надо быть — на батарее!

Наконец и это сбылось. Зимой 1942 года меня зачислили рядовым на батарею. Дружная работа солдат и вся эта новая для меня обстановка глубоко воодушевляли меня. Все свободное время я старалась делать зарисовки.

В кармане шинели неразлучно при мне была тетрадка-дневник, и все, что здесь записано, записано в походах так, как оно было.

*Первый приезд
в полк.*

Ноябрь 1942 года

Пушистый мокрый снег крупными хлопьями валит на землю. Залепил стекла кабины. Смеркается. Едва видно дорогу.

— Вот и штаб вашего полка, — говорит шофер — Избы горят — видите? Это на выселках, а вы идите дальше, прямо, тут и деревня рядом. Вы уж извините поближе не могу подбросить, сплону!

Метель. Все бело кругом. Встречный ветер сбивает с ног. По колено увязают валенки в рыхлом снегу. Иду прямо в сторону пожара. Выселки догорают. Трещат и рушатся последние бревна, ослепительные искры скопом взлетают в небо, навстречу падающему снегу.

Вот и деревня. Сквозь мутную белую пелену едва можно различить, как внезапно вырастают из темноты солдатские спины и также быстро исчезают.

— Где здесь командир полка? — кричу я солдатам. Но ветер так и рвет — метелица, никто не слышит меня.

Куда же идти?

В ответ ревут моторы грузовиков «По машина-а-ам!» — доносится голос команды, и вот грузовики уже мчатся мимо меня.

Быстро соображаю, видимо, полк снимается с места, бегом догоняю последнюю машину и почти в отчаянии кричу.

— Товарищи! Захватите меня с собой!!!

Сильные солдатские руки протягиваются ко мне с машины и на ходу втаскивают в кузов.

— Меня к вам в полк прислали. Служить... — бессвязно бормочу я, — ведь вы из 31-го арtpолка? Правильно?

— Правильно, — улыбаясь отозвались солдаты. — Мы — авторота полка. Спешно приказано двигаться вперед. Еще минут десять и пришли бы вы в пустую деревню.

Я огляделась. Машина до отказа перегружена. Едва держусь за борт. Тяжелый груз перекрыт широким пологом брезента, который обледенел и стоит колом. Сверху разместились солдаты с автоматами и карабинами.

Ехали весь вечер, ехали всю ночь останавливались в каких-то деревнях, чтобы обогреться... Сидя в шинелях и полушубках дремали в холодных избах — все-таки теплее, чем на ветру, и снова ехали вперед и вперед...

С непривычки и усталости все это казалось мне сном. Никто не говорил, куда едем, никто не знал, что впереди, но смутно мы догадывались, что идем к югу Тульской области.

Январь 1943 года

Прибыли в деревню Большие Голубочки. Здесь все разбито до основания. Печные трубы да кое-где каменные стены. Жить негде, а приказ — здесь размещаться.

Как только въехали в эту деревню, начался обстрел. Снаряды летели через нас и рвались где-то в поле. Командир автороты ст. лейтенант Захарченко дал команду выехать на окраину. За деревней нашли большой старый подвал. Изнутри он весь выложен кирпичом, словно кладбищенский склеп, но стены, потолок — все насквозь промерзло, и белый мохнатый иней, как пушистый ковер, сплошь покрыл кирпичную кладку.

Уже совсем стемнело. Установили железную печку. Мне досталось место возле самой стены. Ледяной камень! Даже под полушубком невозможно согреться. Измотанные, усталые шоферы, удрученные такой обстановкой, нервничали — никто не хотел идти ночью в наряд.

Робко, без всякой надежды, что мне это разрешат, я все же обратилась к старшему с просьбой назначить в наряд меня.

Он подошел, пристально в упор уставился на меня, словно в первый раз заметил, молча вздохнул и обвел взглядом товарищей.

Не говоря ни слова, шофер Володя Земцов взял автомат и вышел из подвала на дежурство.

В полночь приехали остальные пять шоферов из рейса. Они где-то провалились под лед, а к утру надо уже высушить валенки.

Разувшись, развесили портянки по всему подвалу на длинной веревке, пристроили груды валенок у самой печки.

Запах паленой шерсти от валенок, сладкий пар талого снега, дым, чад махорки... С непривычки голова готова была расколоться на куски от тяжелого воздуха. Время от времени я выходила на улицу, набивала шапку снегом и так ложилась в ней, пока снег не растает. К утру голова отупела, и боль прошла.

14 февраля 1943 года

Вчера разыгралась страшная метель. Все дороги замело огромными сугробами. Утром, как только двинулись вперед и выехали в открытое поле, с трудом могли определить направление большака. Первое орудие застряло в снегу и завалилось на бок. Бегут ко мне два солдата:

— Вас майор зовет!

Слышу — замполит майор Гайдель кричит издали:

— Где же Уранова? Где художник? Пусть скорее рисует, пока стоим, батарею на марше!

Я взялась за дело и, пока откапывали оружие, работала тут же в поле над рисунком «Батарея на марше»

Как заледенели руки! Время от времени я оттирала их снегом. Рисунок мне удалось довести до конца

Часа через два мы уже шли вперед

16 февраля 1943 года, деревня Карлово

Ночевать пришлось в разбитой деревне, затерянной в глубоких снегах. Всю ночь свирепствует вьюга, бросает в окна снежные комья, срывает с хаты последнюю кровлю

Наша изба на самом краю. Спим на полу, на скамейках, на столах. Я устроилась на узенькой лежанке у русской печки. Зажгли керосиновые лампы, закрыли плащ-палатками окошки

Отсюда сверху смотрю на спящих солдат. Не спится. Достала альбом и решила делать рисунки

В полночь вдруг послышался отчаянный стук в дверь. Проснувшись, бойцы насторожились. Стук повторился с новой силой

— Открывай! — кричит чей-то грубый, хриплый голос

Солдаты вскочили, схватились за автоматы

— Открывай, говорю!

— Кто стучит? — тревожно крикнул шофер Леонтьев

— Свои! Открой скорее, пехота обмерзает, обогреться надо. Не слышишь какой буран!

Дверь открыли

С головы до ног занесенные снегом, как в белых саванах, входят в избу солдаты. Они похожи скорее на привидения! Страшно смотреть, как они идут и идут безмолвно один за другим, иззябшие, измученные. И кажется — нет им конца. Как подкошенные валяются на пол и засыпают мертвым сном

Вот она пехота — царица полей! Вот они — сыны Отечества. Какие серьезные, строгие лица, какие мужественные, сильные люди!

Никем не замечаемая, я стараюсь скорее зарисовать эту суровую страницу походной жизни — «Отдых в пути». Как знать? Увижу ли я еще когда-нибудь вот так близко, прямо перед собой такую неповторимую

картину? Вот этот солдат, что впереди... Он уже не молод. Он спит тяжелым сном. Снег на шапке тает, капли воды медленно стекают на глаза, ресницы... И кажется, что все лицо его залито слезами...

Всю ночь, не отрываясь, я делала рисунки, к рассвету задремала, а когда проснулась, то, кроме наших, в избе уже никого не было.

Март 1943 года, деревня Стрикино, Тульская область

Вот и солдатская жизнь началась.

Деревня, куда, наконец, приехали, — вся разбита. Ни кола ни двора. И ни одной живой души — ни людей, ни скота, ни птицы! Крыши сорваны, окна и двери выбиты, обгорелые деревья торчат на месте прежних садов. Все надо оборудовать заново.

К вечеру с трудом разместились. Командир полка полковник Д. А. Авралев приказал поместить меня с авторотой. Нам достался домишко справа при въезде в деревню, на отшибе. Как же он неказист! Стоит кирпичный кубик — без крыши, без окон и дверей. Не один раз, видно, горел. Стены изрешечены осколками и пулями, закопчены сажей от пожаров, она так и въелась в кирпич черными языками по следу пламени. Вместо провалившегося потолка положили бревенчатый накат, как на блиндаже. Пол земляной. На дверь навесили плащ-палатки, одно окно забила досками, в другое вставили огромную стеклянную бутылку, чтобы проникал свет, приладили железную печку — и дом готов!

Нас здесь тринадцать человек. Двенадцать солдат и я. Солдаты спят на широкой русской печке, а мне соорудили небольшую деревянную коечку внизу возле окна. Железная печка топится плохо, хата остыла. Дни и ночи в шинелях, спасибо хоть полушубок выдали...

Сейчас все спят. На столе моем горит коптилка из консервной банки. Бензин догорает, ничего почти не видно. Сырые дрова в железной печке шипят, белая пена пузырями облепила поленья. Дневальный Леонтьев закованенными руками поправляет дрова...

В избе все темнее, все холоднее. Коптилка гаснет...

Когда я думаю, как трудна эта жизнь в разоренных деревнях, в холодных подвалах или просто в лесу в землянках, эти походы и в дождь и в стужу под разрывами бомб, тревожные бессонные ночи и непрерывные опасности, — я не перестаю удивляться — как же силен человек, как же все это он выдерживает!

5 марта 1943 года

Вот и рассвело. Изба совершенно остыла за ночь. Так и спим в валенках, в шинелях, шапках, покрывшись плащ-палатками и брезентом.

Позавтракали. Суп с картошкой. Мне выдали котелок, но очень плохонький. Не луженый, как у всех, а просто из легкой жести. Ну, ничего, не все сразу. Завтрак прошел весело. Солдаты не любят унывать — всегда на языке шутка и неисчерпаемый юмор. Относятся ко мне хорошо, заботливо.

18 марта 1943 года

Ну и житье! Целый день в избе шоферы то паяют, то куют, то пилят, огромные тиски и наковальня заняли половину избы — повернуться не где! Настоящая авторемонтная база!

Вчера посылали меня в 1-й дивизион к майору М. И. Антонову, командиру дивизиона, в деревню Будоговищи.

Вот где другой и новый мир! Впервые получила разрешение пойти с политруком на наблюдательный пункт (НП). Пробирались глубокими траншеями по открытой местности. Ледяной ветер крутил снег, со свистом врвался в траншеи, морозной пылью обжигал лицо. Было тихо. Неприятель молчал, молчали и наши батареи.

Как страшно было в первый раз окунуться в эту настоящую боевую обстановку!

Наконец пришли. Я увидела в блиндаже разведчика-наблюдателя за стереотрубой в белом маскхалате. Это гвардии ефрейтор Канунников Михаил Устинович. У меня был с собой альбом, и я тут же начала рисунок. В деревянном укрытии, где сидел разведчик возле смотровой щели, было так тесно, что рисовать пришлось почти в упор. Так я волновалась, что руки дрожали — ведь всего 800 метров от немца!

Вот где настоящая боевая жизнь! Что бы там ни было, а буду добиваться перевода в батарею.

24

20 марта 1943 года

... Сегодня получила, впервые, разрешение от командира дивизиона майора М. И. Антонова зарисовать огневую позицию. До нее от деревни рукой подать — метров пятьсот. Она прямо в открытом снежном поле. Но как хитро замаскирована! Деревянные укрытия орудий завалены сверху соломой и сеном, как будто огромные стога или копны стоят на снегу. Рядом землянки для расчета. Отсюда наши ведут огонь через окоп по немецкой обороне. Я в овчинном полушубке и валенках. Сажу возле землянки на бревнах и рисую. Вся огневая передо мной. Часовой Иван Григорьевич Колесов стоит, как вкопанный. Он заметил, что я рисую его и, видимо, очень доволен. Холодный ветер так и пронизывает насквозь. Забегаю в землянку, у раскаленной докрасна железной печки отогреваюсь...

Комбат Опарин ругается и говорит, что простудиться можно и что здесь не до больных. Не хочет понять того, что мы уже достаточно закалились!

Впрочем, как знать — может он и прав? Ведь вот уже с февраля месяца появилась здесь какая-то новая болезнь — туляремия. Даже самых сильных бойцов валит с ног. Все землянки приказано окопать снежным валом, ведь главные враги — это мыши. Но мы пока держимся и, несмотря на самые рискованные условия, ничем не бодем.

6 апреля 1943 года

День серый, ветреный. Дальний лес уже по-весеннему воздушен, и в оврагах шумит вода. Последний снег лежит только по лощинам. Зацвела верба.

У нас в полку начали издавать журнал под названием «Батареец». Душой этого дела стали замполит Гайдель и поэт Александр Северный, который служит в полку.

Журнал пишут от руки. Корреспонденты — солдаты и офицеры. На мою долю тоже выпадает работа. Но я так долго иной раз копаюсь над рисунками, ведь хочется сделать получше, — опаздываю. Северный выходит из себя, и у нас все время споры.

Вчера, встретив меня на улице, он не на шутку разозлился и закричал:

— Вы прекрасно знаете, что журнал выходит 10-го! Если вы 12-го нарисуете, как Рафаэль, это уже никому не нужно!!!

Я засмеялась и подумала: а ведь он прав!

Мысль о работе на батарее не покидает меня.

Настойчиво прошу командира полка о переводе. Он как будто не возражает. Да и должность там есть.

Моя полевая сумка полна карандашами и бумагой, которые я запасла еще в Москве. Готовые рисунки можно будет хранить вместе с канцелярией в ящиках, где мы возим документы. Главное — лишь бы время было рисовать!

ГЛАВА 3

Орловское направление.

25 мая 1943 года

Утром из штаба полка я приехала в штаб дивизиона в деревню Будоговищи. Командир дивизиона майор М. И. Антонов приказал своему конному Юзефовичу оседлать коней и проводить меня в 3-ю батарею. Она находилась в лесу, километрах в 5-ти от деревни.

Утро было ясное, солнце стояло уже высоко. Скоро мы въехали в большую березовую рощу. Какой свежий запах лесной травы и весенних цветов! Над густой чащей орешника, рябины и тоненьких кленов спокойно уходят в небо могучие стволы белых берез, залитые ослепительным солнцем. Высоко в вершинах шумит ветер. Кони мягко ступают по влажной дороге, еще покрытой утренней росой. Совсем возле нас вдруг защелкал соловей и где-то далеко в лесу ему ответил другой..

Я остановилась и, на мгновение закрыв глаза, старалась постичь всю нелепость сочетания этого благодатного утра и нетронутой природы со смертью и ужасом войны, которая бродит возле нас среди вот этих берез, где притаились грозные орудия.

Мы подъехали к землянке. Навстречу нам вышел ст. лейтенант. Это Юрий Попов, совсем еще молодой юноша, заместитель командира батареи. Меня представили новым товарищам, и с этого дня я осталась на огневой.

Начала работу в 3-й батарее. Свободного времени много, значит, можно рисовать! Все сбылось. Я у своей настоящей цели. И так, за работу.

Мы стоим в обороне. Сегодня начала рисунок огневой позиции. На самой опушке березовой рощи, в густых и высоких деревьях стоят наши боевые гаубицы. Они в надежных и мощных укрытиях, искусно замаскированных свежесрубленными молодыми деревцами. Над рощей часто кружатся вражеские разведчики, особенно эта проклятая «рама». Я устроила себе шалаш из плащ-палатки и задалась целью во что бы то ни стало нарисовать общий вид огневой Красотой ее расположения восхищались все, а солдаты из расчета прямо говорили, что лучше нашей огневой — нет!

28 мая 1943 года

Солдаты просят меня зарисовать их за завтраком возле орудия.

Сегодня утром начала рисунок возле 2-го орудия.

Сделала несколько вариантов, один из них «общим миром» был одобрен, и я остановилась на нем. Бойцы Ященко, Кузнецов, Колесов, Лещук охотно позируют в свободное время

28

Составляется целая композиция. Вчера у нас было начальство — командир дивизиона майор М. И Антонов и замполит А. П. Кавицкий. Смотрели мои рисунки. Отозвались одобрительно.

Сегодня после обеда вдруг раздалась команда: «По места-а-м!». Расчеты побежали к орудиям и заняли свои места. Я тоже подошла к огромной гаубице и, признаюсь, с замиранием сердца следила за сосредоточенной работой солдат — ведь я в первый раз видела, как ведут огонь. И вот грохнуло наше орудие! Сила выстрела меня потрясла. Солдаты обернулись на меня и дружно засмеялись. Я тоже засмеялась, стараясь скрыть свое волнение.

10 июня 1943 года

Наши бомбят передний край противника. Слышен непрерывный грозный гул... Уже темно.

Нет, не могу сидеть в землянке! Иду на опушку рощи. Все пространство до горизонта освещено и пронизано красным дрожащим светом.

Осветительные алые бомбы, им нет числа, горят и дымятся высоко в темном небе, как гигантские камины. Луна — и та померкла. Узкие ленты бело-розового дыма от сгорающих бомб чертят по небу причудливые зигзаги. Они сплетаются в какой-то фантастический узор, который медленно плывет и тает...

У нас говорят, что это мы начали форсировать Оку и завоевывать плацдарм.

Два часа ночи.

Наши снова после некоторого затишья бомбят передовую врага. Даже землянки дрожат. Никто не может заснуть. Идем на опушку леса. Та же картина, что вечером. При ярком свете авиабомб вполне можно рисовать.

Беру альбом из полевой сумки и стараюсь начертить хотя бы схему этого зрелища.

Старшина стоит у березы и смеется над моими тщетными попытками. Но вот уже стало темно.

9 июля 1943 года

Скоро начнутся бои. Вся обстановка говорит за это. Вечером часов в 5 пришел на батарею зам. командира дивизиона по политчасти майор А. П. Кавицкий и долго беседовал с бойцами. Когда он уехал, они стали медленно расходиться по землянкам.

Все мы хорошо знали, что сильная оборона немцев на той стороне Оки расположена на высоком крутом берегу, и мы у них, как на ладони.

Поздно вечером, когда взошла луна, в нашей землянке собрался народ, пришел ст. лейтенант А. П. Бенедиктов и долго играл на гитаре. Он не расстается с ней никогда и нигде. А как бойцы любят слушать его!

Удивительный человек этот ст. лейтенант Бенедиктов! Он сразу располагает к себе людей, даже не поймешь чем. Всегда молчаливый, сосредоточенный, очень доброжелательный, он даже редко улыбается. Глаза у него печальные. Огромного роста, с хорошей выправкой, опрятно одетый — он всегда у солдат желанный гость.

Как магнит, влечет к себе звук гитары солдатскую душу. Стоит только появиться Бенедиктову на батарее — смотришь, вокруг него уже собирается. Особенно вот сейчас, когда наступают тяжелые времена, — бойцы ждут не дождутся его прихода.

12 июля 1943 года

Ночь... Около часа. Я одна в землянке. Тускло горит коптилка. Через два часа бой. Мне страшно одной в этой темной сырой землянке. Что ждет нас? Ведь мы всего в 3-х километрах от противника! Мы наступаем на Болхов. С вечера несколько орудий нашей батареи ушли на прямую наводку. Скорее, скорее лети, время! Разве можно уснуть? Эта ночь кажется вечностью...

...Утро. Рассвело. Около трех. В землянку пришел старшина и после всех спешных работ лег отдохнуть. Теперь мне не так страшно. Но все равно не спится, нет!

Я вышла из блиндажа. Розовая заря стоит над лесом, и над парубом поднялся предутренний туман. Уже слышатся осторожные соловьиные трели. Все тихо, ни единого выстрела.

31

Я вошла в землянку. Старшина крепко заснул, и я завидую его спокойствию. Но вот!.. Что это такое?

«Началось наступление на Орел» — так напишут завтра в сводках. А у нас?

Вот он первый, одинокий, но грозный орудийный выстрел! Первый! За ним второй, третий... И вдруг — задрожала, затряслась землянка, и чудовищный, оглушительный рев прорезал предрассветную тишину — «катюши»!!

32

Старшина вскочил. Мы выбежали из землянки. Над березовой рощей подымалось огромное густое облако бело-желтого дыма — это отгремели «катюши», их пригнали сюда несколько батарей, и, отстрелявшись, они мгновенно умчались.

Весь лес, битком набитый артиллерией и минуту тому назад тихо дремавший, вдруг сотрясается от грохота и рева выстрелов. Били и из тяжелых дальнобойных орудий, и гаубичные батареи, и 76-миллиметровые пушки, и минометы — все слилось на этой утренней заре в один общий гул, и эхо непрерывно повторяло по лесу грозные раскаты.

Из чащи леса отрывисто доносились неистовые голоса командиров орудий. Сосед старался перекричать соседа, все вместе — они старались перекричать орудийный грохот:

«По пехоте пр-р-ротивника! Взрыватель осколочный! Угломер-р 12-03! Ур-ровень 30-02! Пр-рицел 74! Пер-р-вое ор-р-ру-дие!!! Ого-онь!!»
«Ого-о-онь!! Ого-о-о-онь!!!» — кричало по лесу обезумевшее и охрипшее эхо.

Вот она эта сокрушительная артиллерийская подготовка, о которой до нынешнего дня мы не имели ни малейшего представления и знали только понаслышке. Этого нельзя себе представить, не испытав всего ужаса ее. Даже бойцы — и тех трясло, как от озноба. Казалось, весь воздух в лесу раскалился от этих тысяч и тысяч вспышек пламени. В роще стало дымно, как будто белый прозрачный газ окутал деревья и клячьами повис на ветках.

Два с половиной часа продолжался ураганный огонь. Неужели враг не засек нашу березовую рощу?

Ни на минуту не расстаюсь со своей записной книжкой.

12 часов дня. Солнце и белые ослепительные облака. От бессонной ночи смыкаются веки... Высоко в небе отдаленный зловеющий гул бомбардировщиков. Слышно по звуку, что самолетов много...

Удар, другой — и бомбы рвутся с ревом и грохотом. Гремит артиллерия... Все смешалось...

А там за Окой, над обороной противника, до самых облаков стоит черная туча дыма да черная пыль вздыбленной земли!

...Прямо на нас идут немецкие бомбардировщики, на березовую рощу. Меня трясет. «Ну что, — говорю я стоящему рядом старому солдату Орешко, — в окопы?»

— Обожди, — хмуро отвечает он, стоя на краю окопа и пристально наблюдая за бомбардировщиками. — Обожди... Ничего... Обойдется. Это они промеж себя дерутся...

И, действительно, ожесточенный воздушный бой прямо над нами. Нестовый треск и визг машин. В небе режут и хлещут свинцом озверелые пулеметы. Вот что-то ослепительно блеснуло в вышине, и два пылающих самолета, как падающие звезды, стремительно рушатся вниз, оставляя за собой столбы черного густого дыма...

...Сумерки. Взошла луна. Светло в нашем лесу. Я вышла на паруб. Березовая роща настороженно дремала и словно не верила тишине. Куда девались эти сотни орудий, которые сегодня утром гремели здесь на всю вселенную! Могучая артиллерия, направленная невидимой рукой, тихо подкралась сюда с вечера и, сделав свое дело, так же тихо ушла.

Слышен гул моторов наших грузовиков. Два орудия возвратились с прямой наводки на огневую. Все солдаты живы! Целой ватагой ввалились в землянку. Тут все — и бойцы и командиры. Все лихорадочно, перебивая друг друга, что-то доказывают, спорят, смеются.

Как восхищает меня простота этой смелости и отваги моих батарейных товарищей. С такими в огонь можно пойти! Самое сильное чувство страха смягчается здесь рядом с этим удивительным, неподдельным самообладанием. Поужинали все вместе. И до поздней ночи сидели мы в землянке, слушая рассказы о нынешнем историческом дне.

Скоро пойдем вперед. Телефонист Забродин сообщил, что на той стороне Оки Карагашинка и Пальчиково уже в наших руках!!

13 июля 1943 года

В 12-м часу ночи, когда мы были в блиндаже, начался обстрел нашего леса. «Ну сейчас даст жизни!» — сказал артмастер Васьков.

Капитан Имбриков проводил политбеседу. Все сидели вокруг стола. Землянка сотрясалась от разрывов снарядов. Обстрел продолжался более часу. Так и есть! Он засек нашу рощу.

Когда я вышла из землянки, полная луна стояла высоко в небе. Весь лес был затянут белым густым дымом. Пахло порохом и гарью. Я ушла к себе и, измученная всеми волнениями, заснула мертвым сном.

...А в соседней землянке еще долго играла гармошка и кто-то вторил на гитаре...

Наутро выяснилось, что враг угодил по нашей второй батарее. Это метров 500 отсюда. Есть тяжелораненые.

Итак, наши войска прорвали мощную оборону противника на Оке!!! Ночью в 11 часов мы получили приказ о выезде на ту сторону реки в Карагашинку.

Прощай же навсегда, березовый лес!

Ровно в полночь погрузились, и батарея наша двинулась вперед. Во тьме миновали зыбкую переправу и переехали Оку! Перед нами открылось ровное полынное поле. Все было тихо.

Курить и даже громко разговаривать не разрешалось. И вот где-то высоко в темном небе — гул моторов... Внезапно зажглись зловещие

35

красные ракеты. Стало светло, как днем. «Ну, навешал фонарей, — злобно ворчали бойцы, — сейчас бомбить будет...»

...И с ревом рванулись на нас бомбы... Огромные столбы земли и дыма поднялись на пашне, метрах в 50-ти от дороги.

...Ночь темная, темная, хоть глаз выколи. Кое-как добрались до Карагашинки. Вот она, эта мертвая земля, по которой ураганным огнем была так недавно наша артиллерия. Царство смерти... Выжженный бурьян, зола и пепел...

Мы устроились в овраге, в сырой, кем-то наспех вырытой землянке. С рассветом снова в путь.

19 июля 1943 года

Снова меняем огневую. Наши части быстро идут вперед. Уже у Болхова. Враг спешно отходит, он уводит жителей деревень и скот. Печальные, пустынные, разоренные деревни, сожженные и уничтоженные авиацией. Груды камней и одинокие торчащие трубы. Огневую заняли на краю ржаного поля.

Рисую, приспособливаюсь, где только возможно.

20 июля 1943 года

Болхов уже рядом. Напряженные бои. Каждый день ждем сообщения о взятии города. Наступление стремительное. Настроение у нас приподнятое. А вчера со своей батареей мы пережили минуты, которые мне не забыть; рано утром, как только стало светать, выехали мы на новую огневую. Сырой туман, белый, как молоко, поднимался по лощинам, и мы въехали в сплошную полосу густого тумана.

Меня поразила какая-то новая красота наших могучих боевых гаубиц, силуэты которых сквозь туман казались легкими и воздушными, а сами орудия призрачными и невесомыми. Утро было мрачное. Солдаты не хотя обменивались словами. Не слышно ни шуток ни смеха. Вот первое орудие круто сворачивает влево от дороги, за ним — наше, и батарея разворачивается в высокой и густой ржи на краю полынного луга и овражка, поросшего ивняком и кустарником. На дне оврага была вязкая трясина и не текла, а скорее сочилась узенькая речка-ручей.

Наскоро позавтракав, мы стали располагаться. Но пришли недобрые вести: местность, занятая нами, насквозь просматривается противником. В тумане он мог нас не заметить, но теперь, когда в небе уже сияло солнце и день обещал быть ясным, положение наше стало серьезным.

В течение дня батарея несколько раз вела огонь по противнику, но он упорно молчал, никак не давая о себе знать и, видимо, пристально нас изучал.

Теплый июльский вечер. Садится солнце. Во ржи трещат кузнечики, цветут васильки, полевые ромашки — и, если закрыть глаза и вдохнуть в себя запах полыни, то можно поверить, что войны нет.

В глубине оврага, в некотором отдалении от огневой стоят наши грузовые машины, хорошо замаскированные в густом кустарнике. Я в машине подсчитываю накладные. В кабине шофер Гайворонский что-то ремонтирует.

Вдруг я услышала свист снаряда и близкий взрыв. Гайворонский метнулся из кабины и закричал: «Под машину!!» Но слова его послышались мне где-то далеко-далеко — их заглушил новый взрыв.

В эти секунды нельзя теряться. Но выпрыгнуть из машины было уже поздно: вдоль оврага мимо нас летели снаряды один за другим. Видно, враг нашел батарею. Я упала на железный пол автомашины и прижалась к железным бочкам, полными бензина. Вот еще и еще два страшных взрыва. Слышно, как земля, песок и камни с силой ударили по борту машины. У меня помутилось сознание... Неужели смерть?! Но в эту секунду все смешалось... Снаряд разорвался метрах в 10-ти. Машина судорожно затряслась, с визгом полетели мимо нас осколки, и шофер еще раз крикнул: «Там убьет вас! Бегите оттуда!»

Как во сне, повинувшись какому-то слепому инстинкту, я бросилась из машины и, увязая в трясине, добежала до траншеи, вырытой на другой стороне оврага. Но в эту минуту близко разорвался новый снаряд, и я услышала протяжный стон: «О-о-о!»

«Кто это? Кого? — пронеслось в сознании.

— Санинструктор! — закричал чей-то голос... — Санинструкторо-о-ор! Я поняла, что нельзя терять ни минуты и бегом бросилась за ним на огневую, крича изо всех сил: «Санинструкторо-о-ор!» Кругом была густая рожь, ноги цеплялись за спутанные колосья, дым застилал глаза...

Военфельдшера на огневой я уже не застала — он слышал наши голоса и убежал к раненому.

...Скоро выяснилось, что повар С. В. Дорогов, который варил ужин на кухне, как раз против нашей машины, не успел укрыться и был тяжело ранен осколком снаряда. Ему перебило позвоночник... К вечеру он умер от ран в тяжких мучениях...

1 августа 1943 года

Движемся все вперед на Орел. Вчера, только вчера еще был здесь проклятый враг, а сегодня наши войска идут победным маршем по орловским большакам. Противник бежит!

Толпы несчастных жителей с жалким скарбом, телегами, запряженными коровами, иногда лошадьми, а то и людьми — бредут по дороге. Мешки тащат на сгорбленных спинах. За один день состарились лица. Дорожная пыль темными кругами лежит на усталых глазах... Какое разорение! Какой страшный неумолимый смерч войны .

Ночевали в лощине, кто прямо на земле, кто на снарядных ящиках. Ночь была мучительной Сырость, холод... До рассвета я промучилась и не могла согреться под шинелью Огромное красное зарево полыхало над горизонтом. Трассирующие пули, как фейерверк, взлетали в небо и прошивали его вдоль и поперек. Куда ни посмотришь — пожары! Горят, горят орловские деревни!

Утром 5 августа взят Орел! Ура! У нас на батарее был митинг. Какая победа! Сломлен сильный рубеж. А в самый разгар артиллерийского огня такая гроза была, что и земля и небо смешались!

Наступление пошло молниеносно. Мы пронеслись с батареей по улицам разрушенного Орла, не задерживаясь ни на минуту. Не успевают установить орудия, как снова «отбой». Все вперед и вперед!

7 августа 1943 года

Сегодня на марше встретились с новыми трудностями. Началось сплошь минированное поле. Круглые мины по обочинам дороги видны простым глазом. Нельзя и шагу ступить без риска. Командир дивизиона майор Никончук с хмурым серым лицом шел впереди и дал приказ не делать в сторону ни сантиметра.

На луговине у дороги мы увидели подорванный грузовик, еще дальше — броневичок, весь разбитый и вверх колесами. Рядом — большая воронка и возле нее огромная лужа свежей крови. И вот тут рядом с этим минным полем надо было занять огневую! Медленно, чуть не по сантиметрам тянули машины орудия и, наконец, благополучно въехали в густую рожь. Не успели и окопаться, как вновь приказ — «отбой!» Снова — «вперед на Запад!»

...Мы шли целым дивизионом. Километра за два, не доезжая до места назначения, встретили командира дивизиона. Быстрыми нервными шагами приближался он к нам и отрывисто кричал: «Ну, держитесь! По деревне бьет. Дело серьезное. Да еще и музыканты дадут жизни!» (Так назывались вражеские самолеты, имеющие сирены.)

Командир дивизиона Никончук, этот неустрашимый в боях человек, имел манеру «нагнать страху» и по лицам нашим наблюдать, как мы это воспринимаем. Но в эту минуту было ясно, что он говорит всерьез. И, действительно, мы подъехали к деревне, расположенной в долине между больших холмов. Какое скопление войск! Тяжелые танки в бензиновом синем дыму скрежетали и лягали на дне лощины, артиллерия всех видов, колонны грузовых машин, обозы — все это копошилось и двигалось взад и вперед. Признаюсь, чувство какой-то щемящей тревоги охватило меня.

...Приказано было занять огневую в густом коноплянике на окраине деревни. Немедленно установили орудия и принялись тотчас же рыть ровики. Зам. комбата ст. лейтенант Юрий Попов, подгоняя бойцов, начал копать вместе с ними. Я тоже взяла лопату, и все мы дружно принялись за дело. Вдруг раздалась команда «по места-ам!» Расчет бро-

сился к орудиям, ст. лейтенант побежал на огневую. Батарея открыла огонь.

...Уже смеркалось, но было еще светло. Вдруг кто-то дотронулся до моего плеча — и, обернувшись, я увидела нашего радиста. «Не копайте больше», — тихо сказал он мне и рукой показал на небо. С грозным и зловещим гулом шли прямо на нас фашистские бомбардировщики. Мы сосчитали. Их было около 30-ти. В эту минуту где-то высоко в небе послышался свист и как бы звуки свирели... Через мгновение весь воздух завыл! Сирены!

Вижу, как маленькие черные точки отделяются от самолетов и, как горох, сыплются вниз...

Бомбы летят на нас... Я затыкаю уши, закрываю лицо ладонями и прижимаюсь к земле! Разрывы совсем близко, и, как по невидимой тропинке, бомбы бегут все ближе и ближе...

Рассудок мутится... В судорогах трясется земля. Бомбардировщики пикируют один за другим, черными кольцами кружатся в воздухе!..

Понемногу стихает этот ад. Ушли бомбардировщики. Выбираемся из траншеи, но предчувствуем возможность еще более худшего...

45

И вот, на розовом вечернем небе показывается новая волна стальных машин, их еще больше! Нам видно, как медленно разворачиваются они над деревней, над нашими головами... Еще заход... Они нашли нас! Засыпают нас бомбами... — Все!.. — отрывисто ревет каждый взрыв и красными молниями пронизывает сумерки...

...Вечером, когда стемнело, на склонах оврага догорала сожженная дотла деревня. Несчастные жители, потрясенные горем, с плачем бродили по дорогам. Мы пошли скорее узнать о товарищах. Тяжелые известия! Солдаты 3-го дивизиона в ту минуту, как появились самолеты, только что приехали на огневую и, не успев еще установить орудия, увидели бомбардировщиков. Как рассказывают, они бросились в рожь, думая там спастись. Но смерть нашла их и там.

...Ночью раненых отправили в медсанбат, а убитых похоронили в этой печальной для нас деревне Большие Рябины.

Итак, Орел — наш! Орловское направление — позади. Какую страшную школу, какое великое боевое крещение прошли мы вместе с товарищами по полям сражений земли орловской!

В первые дни своего пребывания в полку и батарее я описывала тяжести и трудности походной жизни. И понятно! Ведь такие лишения и мытарства мне приходилось испытывать впервые в жизни. Но теперь, когда по орловским равнинам гналась за нами сама смерть, когда она столько раз смотрела в глаза — трудности походов просто перестали существовать, о них не говорим, их не чувствуем — они кажутся вполне естественными.

Родным домом нашим стала земля. Хочется написать это слово с большой буквы — Земля! Она была и нашим домом и нашей защитой, и нашей матерью. Когда рвались над нами снаряды и бомбы — лы грудью припадали к земле. Когда оборонялись от врага — рыли траншеи

47

и окопы в земле. Когда останавливались на походах — копали в земле блиндажи и землянки. Когда хоронили товарищей — рыли могилы в земле! Мудрый русский народ! Как хорошо он назвал ее — мать сыра-земля!

На походах, невзирая на трудности, времени у меня для своей работы оставалось достаточно. Я старалась рисовать каждый свободный час. И только в те дни, когда опасности были так велики, обстановка так напряжена — силы не выдерживали, и карандаш выпадал из рук...

Тогда я доставала из кармана шинели тетрадку и записывала в нее то, что невозможно было нарисовать!

*По Украине.
На Днепр!*

После освобождения Орла в начале августа 1943 года наша дивизия была выведена в резерв и, пополнившись новыми силами, 29 августа двинулась пешим маршем по Украине, к линии фронта, который за это время отошел уже к западу.

Мы вышли в район Чернигова и 20 сентября, слившись здесь с наступающими частями, начали сильные бои севернее города.

Когда наши части выбили неприятеля с оборонительного рубежа, мы стали продвигаться к берегам Днепра

Наша батарея не шла, а мчалась по освобожденной уже Украине. Мы не стояли на марше почти ни одного дня. Непривычным и странным казалось, что никто не выбирает огневых позиций, не роет котлован для орудий, не слышно команды «по места-ам!», не грохочут наши гаубицы. Все вперед и вперед по пыльным дорогам, по полынным степям, большакам и проселкам. Останавливались только для ночлега в деревнях.

Из Орла пошли на Севск, оттуда на Рыльск, Глухов, Березну, Мену и к Чернигову. Мне особенно запомнилась деревня Духовщина, когда мы уже подходили к Днепру. В Духовщине мы задержались на целый день.

28 сентября 1943 года

Проходя по деревне, я встретила целую группу партизан, о которых здесь много говорят. Их было человек двадцать. Меня очень заинтересовали эти люди, которых мы встречаем в первый раз.

Вооружены они были по-разному: винтовками, карабинами, автоматами, у некоторых за ремнями были гранаты.

Бледные лица их были суровы и сосредоточены, они мало говорили между собой, но тем не менее чувствовалась их глубокая духовная сплоченность.

Мне хотелось сделать рисунок хоть с одного из них. Сказала, что я художник и спросила:

— Надолго ли вы в этой деревне?

— Но почему вы — художник, а в шинели? — не отвечая на мой вопрос сказал один как-то недоверчиво.

Я объяснила. Он улыбнулся.

— Сегодня уходим в лес, — ответил первый.

Я стала горячо упрашивать уделить мне немного времени. К моему счастью, они согласились.

Невольно запомнилось: то ли от застенчивости или стеснительности, но каждый начал прятаться за спину своего товарища, подталкивая того вперед. И, наконец, со смехом и шутками был произведен «отбор».

Мне удалось зарисовать троих. А когда рисовала, пришла в голову мысль: кто знает? Быть может, через несколько дней эти люди, сидящие сейчас передо мной, будут вместе с нашими солдатами форсировать Днепр, биться насмерть с врагом, тонуть на переправах или же одни из первых ворвутся на тот берег?

Времени было в обрез и потому пришлось ограничиться быстрыми набросками. Хотелось подписать их имена, но, молча переглянувшись, они сказали: «Нет. Это не надо».

26 сентября — 6 октября 1943 года

Авиация противника бросает все силы на Днепр. Как раскаленный град, падают авиабомбы на переправы, берега и мирные села...

Перед нами древний поселок Любеч: полкам нашей дивизии поставлена задача — захватить его и форсировать Днепр.

Рассказывали сегодня про 32-й стрелковый полк и командира батареи капитана Акимова: оказавшись со своими пушками на захваченном плацдарме, он геройски расправился с противником, грозившим сбросить пехоту полка обратно в Днепр. Под сильным огнем фашистов он проявил не только волю и мужество, но и огромную находчивость. Акимов

решает сделать свои орудия «кочующими» Когда одно из них ведет огонь — второе быстро меняет позицию. Затем стреляет вторая пушка, а расчет первой откатывает орудие на новое место. Так продолжалось несколько часов.

Гитлеровцы не могли понять, сколько же артиллерии находится на плацдарме?¹

Деревня Смолеговка.

Идут тяжелые, решительные бои за Днепр. Мы в Смолеговке, в нескольких километрах от Днепра. В помещении школы много раненых. Ждут эвакуации. Есть возможность зарисовать. Раненые сидят спокойно,

---

¹ За мужество и отвагу, проявленные при форсировании Днепра, указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 февраля 1944 года гвардии капитану Василию Ивановичу Акимову присвоено звание Героя Советского Союза

примостившись на нарах. Тут же сложены их вещевые мешки. Безучастны лица. Они не обращают внимания на то, что я рисую их, до того ли им?..

Открывается дверь. Пришла женщина из прифронтовой деревни, бедно одетая, почти в одних опорках, видно, не один километр прошла. Принесла кринку молока. Надо было видеть, как робко и застенчиво, с каким глубоким уважением ставит она ее на нары, где сидят раненые.

Я попыталась поговорить с ней, спросила, к кому из этих солдат она пришла?

— Милая! Никого я здесь не знаю... У меня у самой двух сынов убило, — сказала она тихо, и слезы текли по ее щекам...

...Лунная осенняя ночь над Днепром.

Авиация противника громит переправы, враг бросается в бешеные контратаки. Все время грохот и разрывы бомб. Они, как дождь, непрерывным потоком низвергаются на землю.

Сегодня узнали о том, что наш бывший командир дивизиона М. И. Антонов смертельно ранен. Какого прекрасного человека мы теряем! Майор умирает в тяжких страданиях.

Ранен Лева Галустов, убит Журавлев — оба из штаба артиллерии полка.

Уже за полночь. В избе все спят, и только слышно, как тикают ходики. Я сижу с копилкой и еле заканчиваю работу. У меня болит глаз, и приходится быть здесь вблизи медсанбата, чтоб ходить на перевязки.

Неистово бьет артиллерия. Стекла дребезжат в оконцах.

Утром пошла на батарею в Любеч по поручению замполита Гайделя. Он очень настаивает на том, чтобы зарисовать орудие на огневой позиции на берегу Днепра. Мне по душе эта идея. Не знаю только, как я буду рисовать с завязанным глазом.

До Любеча отсюда всего несколько километров. Шла каким-то бурьяном. Вся дорога в воронках. Пробиралась сквозь высокий, по пояс чернобыльник, весь запорошенный от взрывных волн сухой пылью. Прилетел невесть откуда осколок, и выстрелов-то не было слышно, прямо возле меня врезался в куст татарника и срубил его.

В саду под деревьями я увидела бойцов из расчета и зам. командира батареи Юрия Попова. Они сколачивали плот для переправы на тот берег.

С большим трудом я сделала рисунок нашей гаубицы, замаскированной на берегу Днепра.

Я уже возвращалась в Смолеговку, но не прошла и полпути, как услышала гул авиации. Самолеты развернулись над Любечем, и мне показалось издали, будто над церковью, рядом с нашей батареей.

Начали оглушительно рваться бомбы, летели вверх вывороченные с корнем липы, как раз там у церковной ограды...

Я закрыла лицо руками, не в силах смотреть туда, сознавая, что в эту минуту, быть может, гибнут мои товарищи...

Не помню как и дошла до Смолеговки. Слышу снова гул — бомбардировщики носятся по всей округе и бомбят. Прилетели и в нашу деревню. Осколком снаряда убило Веру Ивановну Богомазову, работавшую в хозяйственной части.

Мы похоронили ее у дороги в самой деревне.

Тут же в медсанбате тяжело ранило военфельдшера Шуру Буравлеву. Ей оторвало руку и ногу. Страшно даже подумать — как ей жить теперь!..

...Когда я смотрела, как днем бомбили Любеч, словно чувствовала, что это там, над нашей батареей — так оно и случилось! Убит разведчик И. Р. Первушкин, совсем молодой паренек, необыкновенно жизнерадостный человек. Убит радист Москаленко. Погиб и наш батарейный сапожник Левин, трудолюбивый, скромный человек.

Их похоронили тут же на огневой возле церкви

Поселок Любеч! Знают ли они, смелые воины наших полков, сколько опустошительных, кровопролитных сражений принял он на себя со времен Древней Руси?

В седую старину уходит прошлое Любеча, некогда именуемого городом. Уже более тысячи лет стоит он на берегу Днепра, впервые появившись на страницах истории в 832 году. И с тех пор мятежная судьба его полна суровых и грозных потрясений: хозары, набеги половцев, междоусобные войны, нашествие Батыя, казачьи войны, пожары — все это разоряло его и мало-помалу он приходил в запустение.

Так и теперь кровью народной дается нам этот Днепр!

Что делает авиация? Что делает ветер, вздымая на реке такие гребни, такие волны, что перевертывает и опрокидывает лодки! Лодки идут ко дну вместе с бойцами. Горят переправы, бомбы добивают тех, кто мог бы спастись!

Наши полки с тяжелыми потерями форсировали Днепр и ведут бой за деревню Глушец на той стороне. Противник здесь сильно укреплен. Ожесточенно контратакует в районе Старой Лутавы. Ударил, как следует, наша артиллерия — и фашисты выбиты!

Днепр наш!!

ГЛАВА 5

Земля белорусская.

14 января 1944 года.

Прибыли в деревню Якимовичи. Только вчера здесь прошел фронт, и мы видим не остывшие еще следы разрушений.

Утром я заглянула в окно — снегу-то навалило по пояс! Я не узнала нашу деревню. Белоснежная пушистая пелена, как скатерть, покрыла разоренную дотла деревушку.

Пока есть время, пойду рисовать наш медсанбат.

Утонувший в сугробах, он сегодня выглядит необыкновенно: как на японской гравюре, разбросаны на чистом белом снегу его дымчато-серые палатки, нежные, как акварель

Из перевязочной показалась маленькая фигурка в белом халате. Это Наташа Михалева

— Нарисуйте меня возле палатки, только быстро, — издали кричит она мне.

Подробно, стараясь сохранить документальность общей дислокации медсанбата в деревне, я зарисовала госпитальный взвод, перевязочную, операционную и изолятор

Фигура Наташи в белом халате очень оживила суровый лаконичный пейзаж.

Говорят, что простоим здесь несколько дней. Пойду выполню поручения, данные мне на сегодня. Завтра же с утра выкрою время для рисунков — здесь есть что зарисовать.

15 января 1944 года

В нашей деревне свирепствует сыпной тиф. Особенно на той стороне. Не разрешено туда ходить.

Утром, когда шла в медсанбат, посмотрела на деревню и увидела почти одни скелеты домов. Половина сожжена и разрушена.

Население ютится кто в землянках, кто в подвалах. Несчастные женщины! Они бродят, как тени. Нищета, голод... Осиротевшие дети...

Встречаясь на улицах, они подолгу толкуют о чем-то. Сегодня две женщины с детьми и одна старуха долго обсуждали что-то, стоя у нашего плетня. Лицо одной все было залито слезами.

16 января 1943 года

Мы все еще в Якимовичах.

Напротив нашей избы взорванная хата. Как будто кто наступил на нее гигантским сапогом и раздавил, как спичечную коробку.

В то время, когда я делала зарисовку, к бывшей усадьбе подошла женщина и с ней сынишка. Она остановилась и долго, долго молча смотрела на мертвый остов своей родной хаты.

Вся фигура ее, одетая легко и бедно, выражала окаменелую скорбь!..

ГЛАВА 6

*Мы догоняем
свою часть.*

19 июня 1944 года я поехала в отпуск в Москву. Мне необходимо было отвезти домой рисунки, сделанные на фронте за эти годы. Хотелось сохранить их, сберечь. В условиях походов многие из них уже потерялись, другие промокли от дождей, некоторые совсем затерялись.

В те дни Москва, как и вся страна, жила событиями фронта. Очутившись в городе, я с первого же дня с такой остротой почувствовала оторванность от своих боевых товарищей, что только и думала, как бы скорее вырваться обратно.

Ни дневников ни воспоминаний за время моего пребывания в Москве не сохранилось.

Но самые сильные впечатления в этой трудной поездке был Киев.

21 июня 1944 года

Наш товарный поезд прибыл в Киев рано утром в 6 часов. Весь день простояли в очереди за билетами на вокзале, но все же я ухитрилась вырваться и посмотреть, что же стало с нашим древним городом. Я вышла на Крещатик и не могла понять, где же этот широкий проспект? Где улицы? Все разбито. Великолепные здания или полуразрушены или обращены в груды камней. На развалинах сотни людей, как муравьи, копошатся и работают по разборке кирпича.

Вот остатки типографии. Совсем новые печатные машины, оборудо-

вание станки — все лежит, как бесформенная груда и опрокинуто вверх дном в огромных воронках, провалах и ямах Откуда-то из глубины торчат рыжие чугунные рельсы Молодые девушки вытаскивают из этих ям типографскую бумагу, намокшую и спрессованную Нестерлимый смрад и тропическая жара Камни так раскалились, что от них пышет, как из печки И вот в этом-то пекле идет работа!

Бледные изможденные женщины, старики старухи — все несут на плечах этот тяжкий труд, все стараются залечить раны родного города

Хотелось обойти весь город, но надо было скорее спешить на вокзал В сумерках подошел поезд Подступиться к вагонам невозможно, сотни гражданских и военных На подножках, на тормозах, даже на крышах! С нечеловеческими усилиями проникли мы в последнюю минуту в вагон и поезд тронулся

Отъехали от Киева несколько километров. Было пасмурно, накрапывал дождь

— Это еще что, — бубнит чей-то голос в темноте — ведь сейчас Дарница вот где бомбежки-то! Не сдобровать

Мост через Днепр Поезд внезапно останавливается Со станции доносится неистовый вой сирен, гудки завывали на все лады Тревога! Уже мечутся в небе прожектора Пустили дымовую завесу клубы белого

густого дыма ползут на наш состав и окутывают его со всех сторон. Поезд чуть тронулся. Я смотрю в окно, припав к стеклу, и вижу внизу черную бездну Днепра... Руки мои дрожат, но я записываю в свою тетрадь эти строки. Быть может, они последние... Ведь фашистские бомбардировщики несутся над нашей головой, преследуют эшелон, огненные разрывы бомб освещают дымовую завесу красным заревом!..

Стараясь сбить с толку ревущие бомбардировщики, машинист маневрирует: поезд то рывками движется вперед, то пятится назад, то вовсе останавливается, как вкопанный. В вагоне гробовая тишина, точно все вымерли...

Так в поединке со смертью подошел наш состав к станции Дарница. Мы прибыли в Москву поздно вечером.

10 июля 1944 года

Из Москвы путь лежал снова в Белоруссию, где наша дивизия уже шла вперед. Мы направлялись на Киев, Коростень, Сарны — в Домбровицы.

Приехали в Киев. Поезд на Коростень — только в 11.40 ночи. Мы имели в распоряжении целый день, но ни на минуту не могли уйти от станции: неуверенность в расписании привязывала к вокзалу. Тут было все

заполнено людьми Мы отошли метров 200 от вокзала и расположились на траве, в небольшом саду. Поезд пришел в 11 ночи В темноте штурмом брали каждый вагон.

14 июля. 7 часов утра в Коростене

Здесь в ночь с 9 на 10 июля за пять дней до нас была страшная бомбежка. Часть вокзала разбита, на месте сада остались только жалкие, оципаные деревья и большие воронки, иногда по две-три вместе. Тут уже нет расписания поездов. После Киева сесть на поезд — это почти чудо Да и не мудроно Каждую минуту можно ждать налета — какие тут расписания. Участок Коростень — Сарны самый опасный. С замиранием сердца ждали мы первого попавшегося поезда, чтобы до сумерек убраться из этой тревожной зоны Ночевать в Коростене рискуют только смельчаки да те, кому жить надоело .

Днем удалось сесть на поезд с танками Примостились на площадке товарного вагона и так ехали до станции

Олевск. Дело было уже к вечеру. Все посматривали на небо. Налеты были ежедневно, как говорили проводники. Самолеты преследовали поезда в пути, бомбили на перегонах. Ночью же на станциях эшелоны вообще не задерживались.

Мало этого, не доезжая одного разъезда перед Олевском — было предотвращено крушение нашего эшелона. Едва не произошло столкновение двух поездов.. И вот, наконец, Олевск! Налет был три дня назад. На путях сплошные воронки, целый эшелон разбит. Раздавленные вагоны, наполовину зарывшийся в землю паровоз — все это представляло собой страшную картину. Кое-где еще дымились остатки пожаров. Тут был взорван эшелон с боеприпасами.

Через один перегон после Олевска уже спустились сумерки. Эшелон остановили на разъезде Стабашево, и начальник разъезда предложил нам пойти ночевать в деревню. На станции пассажирам не разрешалось оставаться. Мы, нагрузившись вещами, потащились в ближайшую деревушку. Было тепло. Где-то высоко в звездном небе гудели моторы вра-

жеских самолетов. Они то приближались к станции, то удалялись. Ночь прошла спокойно.

Утром пошли на станцию. Поездов не было. Неожиданно подошел эшелон из-под угля, мы забрались на огромные платформы — ящики для каменного угля — и вместо 2—3-х часов до Сарны ехали целый день.

Сарны — это основной центр бомбежки противника. Не было ни одного дня без бомбардировок. Все жители от мала до велика ежедневно уходили за город, кто куда мог — в городе невозможно оставаться. Мы поняли, что и нам предстоит эта «экскурсия». Все складывалось как нельзя хуже. Мы надеялись на какую-нибудь попутную автомашину. Ведь станция Домбровицы, куда мы ехали, была всего в 20 километрах! Но тщетно мы прождали на шоссе два часа.

Был уже десятый час вечера. Ни минуты нельзя больше оставаться в районе станции. С сумерками должны появиться самолеты. Мы ушли за полтора километра от города и снова стали поджидать случайную маши-

ну. Уже совсем стемнело, а мы все стояли. Мимо нас тянулось печальное шествие жителей города Сарны. Старики, женщины, дети, мужчины — все с сумками и подушками, одеялами и мелкой утварью брели по этой дороге. Больных везли на тележках... Я спросила:

— Куда вы идете?

— Тут есть деревня за пять километров, там можно спокойно спать, а ближе опасно...

Посоветовавшись, решили ночевать в ближнем домишке, метров 100 от дороги. Неприятливо встретила нас «хозяйка гостиницы»... Однако капитан в форме приказа и не без помощи патруля заставил открыть дверь. Была суббота. Под воскресенье, как правило, бомбежка неизбежна. Но нам везло. Ночь прошла спокойно, и рано утром, чуть свет мы отправились на вокзал. Спали по-солдатски — на полу. Шинель и вещевой мешок — вот вся постель. Когда рассвело, мы убедились, что Сарны это — почти мертвый город. Среди зеленых садов провинциального городка, то тут, то там мелькали разорванные в клочья домики, с разноцветными обоями на полуобвалившихся стенах...

Деревья, клумбы и вся зелень были добела запорошены известкой и пылью. Утром город еще совсем пуст, жители только возвращаются из своих отдаленных убежищ...

Придя на вокзал, мы уехали с подвернувшимся, на наше счастье, рабочим поездом на долгожданные Домбровицы.

16 июля 1944 года

Домбровицы — это последняя станция. Фронт отсюда около 100 километров. Надо было добираться, кто как мог. Расчеты наши на автомашину и тут провалились. Остался единственный вид транспорта, это — узкоколейка, которая шла до реки Стырь. Погрузились на открытые платформы. Тут собралось уже 12 человек из нашей части. В пути мы узнали, что наша дивизия была все время в боях, уже взяла Пинск и идет далее к Бресту. Все военные хорошо знают, как трудно догонять свою дивизию. Маленький паровозик узкоколейки дотащил нас, наконец, до реки. По дороге мы объедались черникой. Целые корзины везли молодые девушки для госпиталей. День стоял солнечный, теплый; если поезд останавливался на станции — мы отдыхали на мягкой свежей траве. Но тут было уже беспокойно... Здесь начиналась зона «бандеровцев», и проводники рассказывали, что под эту безобидную узкоколейку подкладывают мины.

Вот, наконец, и река Стырь. Огромный мост взорван. Поезд дальше не идет. Мы должны километра три тащиться на пристань...

В ожидании баржи, которая должна прийти за остатками склада нашей дивизии, пришлось здесь ночевать. Переправились на лодках на ту сторону реки в деревню Млинок, нашли избы, но предпочли устроиться в саду. Вечером хозяйка сварила нам картофель, купили молока. Хлеба у нас уже не было. Деньги и припасы кончились за эту трудную дорогу... Кое-как поужинали.

17 июля 1944 года

Наконец пришла баржа. Палящий зной. Река Стырь удивительна по своему рисунку на карте — это сплошные зигзаги через каждые 100—200 метров. Баржи тянулись до одури медленно. К вечеру мы подплыли к деревне Конино и здесь надо было ночевать. А с рассветом уже тронулись в путь.

Голод давал себя знать. Подъехав к деревне Старо-Коне, мы отправились по избам в поисках пищи. Но изб было всего три-четыре. Только что здесь отгремели бои, фронт прошел через эти селения, и люди жили в землянках и блиндажах. Они робко, но приветливо встречали нас, женщины были молчаливы и печальны, отдавая последний кусок хлеба. Хлеб был свежий, очень хорошо выпеченный, но рука не поднялась брать его. Я выпила молока и, купив черники, ушла на баржу.

Баржа принадлежала артснабжению нашей дивизии и на ней было погружено два орудия — противотанковое и гаубица. Мы устроились в каком-то полузатопленном трюме, на носу баржи, оторвав доски и настелив туда соломы, чтобы немного защититься от просочившейся воды.

К вечеру приехали в деревню Дзинковичи и узнали о своих делах. Дивизия была уже на 100 километров с лишним впереди!

19 июля 1944 года

Сегодня уже девять дней как мы в пути. И только к вечеру с трудом добрались до штаба дивизии.

Первый, кого мы здесь увидели, был начальник штаба полковник П. И. Перминов. Этот удивительно внимательный человек, так хорошо нас встретил, что наконец-то мы вздохнули спокойно, почувствовав, что теперь не пропадем!

ГЛАВА 7

*Брест
горит!*

22 июля 1944 года

После обеда выехали по новому маршруту — в деревню Хабы. Здесь мы узнали, что такое мины! Нигде еще на нашем пути так сильно не минировались дороги, как под Брестом.

Слева от дороги саперы вместе с гражданским населением спешно наводят переправу через речку. Вдруг раздался страшный взрыв, и на наших глазах подорвались на минах люди, строившие мост.

И дальше на всем пути то здесь, то там гибнут наши люди от мин. Кажется, и не доедем живыми. Встретился начальник штаба дивизии полковник П. И. Перминов, мрачный, озабоченный.

Все едут молча. Глядеть ни на что не хочется.

23 июля 1944 года

Приехали уже с заходом солнца. По дороге стояли в пробке на переправе через реку Мухавец. Взорванный мост еще только наводили. Здесь было огромное скопление войск. Хуже этого быть не может. Море машин, танков, орудий, людей, повозок, скота. Все нервничают, отчаянно ругаются, храбрятся, а сами украдкой посматривают на небо.

Наконец переехали эту злосчастную переправу. Счастье, что враг нас здесь не заметил, никому бы не уйти.

Вот и Хабы! Что тут делается — не описать. Битком набито военного люду. Квартир нет. Где хочешь — там и живи. Мы с Зоей Костенко достали бурку, плащ-палатки и устроились на ночлег в саду на завалинке.

возле самого дома. На рассвете полил сильный дождь. Измученные длинной дорогой, мы его и не почувствовали, нас разбудил удар грома. Разразилась гроза. Вода лила на нас с крыши в три ручья. В избе же не было ни пяди свободного места, люди спали вповалку. Нельзя было и шагу ступить. Продремали остаток ночи, сидя на пороге. Очнулись от страшного артиллерийского огня. Брест всего в 10—12 километрах. Огромное зарево стояло всю ночь над городом. Брест горит! Здесь предстоят большие сражения.

24 июля 1944 года

После ночной грозы разведрилось. Утром вышла посмотреть издали на новую местность. Какая грозная картина — Брест горит!

Передо мной огромное, бескрайнее поле спелой золотой ржи. Как страшный смерч, поднимаются ввысь над горизонтом четыре столба умбристо-черного дыма. Они упираются в небо и там, сливаясь, образуют огромную, тусклую бело-розовую тучу. Я быстро зарисовала.

...Проходя по деревне, увидела возле огородов несколько запряженных телег, в беспорядке сгрудившихся у дороги. Это привезли раненых из-под Бреста с передовой. Я подбежала к ним.

Вот на телеге на белой подушке передо мной мелькнуло чье-то знакомое лицо. Где я видела этого человека? Да ведь это же Герой Советского Союза комбат Вася Акимов из 32-го полка! Молодой, жизнерадостный человек, отличный командир. Его невозможно узнать! Совершенно бледное, почти голубое лицо, углы губ опущены, брови высоко подняты, тяжелые веки сомкнуты... Я смотрю — и не верю. Он приоткрыл глаза, посмотрел на меня и тихо сказал:

— А-а... Это вы... Софья Сергеевна..

Я хотела что-то спросить, но не могла подобрать слов.

— Капитан, — робко сказала я, — как вы себя чувствуете?

— Вот... Без ноги остался... Нет ноги... Какие мины!..

Я готова была зарыдать от горя и жалости.

— Я провожу вас до медсанбата, разрешите... — сказала я.

— Да... Это хорошо... — ответил он безразлично и закрыл глаза.

Телега тронулась. С правой стороны от повозки шел за ним его верный ординарец рядовой Матвеев и рукавом ватной куртки незаметно вытирал капавшие слезы...

За деревней — проселочная дорога. Утро свежее, необъятные поля кругом. Зеленая луговина, усыпанная цветущими колокольчиками, вся сияла от росы. Мы шли в глубоком молчании. Капитан впал в забытие, не слышно было ни единого стога, и минутами казалось, что он уже мертв

Вот, наконец, и медсанбат — в деревне Буяки. Здесь идут тяжелые операции, раненых столько, что носилки ставятся в очередь. Пришлось ждать. Капитан лежал тоже на носилках. Я достала альбом и сделала рисунок. Темная командирская фуражка, положенная тут же сверху на его спутанные русые волосы, бросала большую тень на бледное лицо. Руки были забинтованы, и тонкие длинные пальцы, черные от земли и пороха, виднелись из-под кровавых бинтов.

Мне пришлось присутствовать на операции, которую вел главный хирург нашего медсанбата Тарас Васильевич Путилин. Ногу отняли по колено.

Я возвращалась в деревню, потрясенная этой печальной судьбой. Навстречу мне тянулись бесконечные повозки раненых. Вдруг чей-то

74

голос, в котором послышалось страшное отчаяние, окликнул меня. Я вздрогнула и подбежала к телеге... Это был молодой солдат Юзефович, коновод нашего бывшего командира дивизиона майора Антонова.

— Софья Сергеевна! Меня сильно ранило! Как тяжело!.. Как больно-то ... о-о! — и он зарыдал, как ребенок.

У меня закружилась голова... По его вспотевшему, обожженному порохом лицу текли черные ручьи слез. Воспаленные глаза и белые, как снег, зубы блестели на этом изменившемся от страданий лице. Он ожесточенно курил сигарку и все сплевывал табак... Нервная лихорадка трепала его и мешала говорить.

— Навестите меня завтра! — сказал он уже чуть слышно. Я дала слово, что приду наутро в медсанбат, и простилась с ним.

Идет решительное наступление на Брест. Наша дивизия наступает по главному шоссе. Жестокие бои.

Поздно вечером встретила начальника политотдела, который сказал.

— Товарищ Уранова, завтра поезжайте в медсанбат, там для вас есть работа. Это будет полезно и для вашего дела. Скажите, что я разрешил.

25 июля 1944 года

Утром отправилась в медсанбат. Прежде, чем начать работу, пошла скорее навестить капитана Акимова и Юзефовича.

Капитан обрадовал меня своим внешним видом. Ему сделали переливание крови, и он стал неузнаваем: быстро возвращался к жизни, верил в выздоровление и был полон надежд.

Но когда я вошла в палату, где лежал раненый Юзефович, я поняла, что жизнь этого солдата — на волоске. Он бредил, метался в постели и все звал своего бывшего командира майора Антонова:

— Майор! Кони оседланы... Пора ехать. — шептал он своими запекшимися губами. Но майора Антонова давно нет. Он убит на Днепре...

Я вышла из хаты. Воспоминания 1943 года когда я впервые приехала на службу на огневую позицию нашего артиллерийского полка, невольно нахлынули на меня. И вот тот самый Юзефович, который сопровождал меня тогда на батарею по распоряжению командира дивизиона майора Антонова, умирает теперь здесь от тяжелых ран.. Как он любил своего командира, до чего же преданно заботился о нем! Помню, как он усердно ухаживал за его гнедыми конями и в дни затишья ухитрялся раздобыть какую-нибудь необыкновенную упряжь. С особой гордостью показывал он мне однажды шлею, которая вся была украшена медными позументами. Он так начистил ее мелом, что она, как жар, горела! Сплел затейливый кнут с веселыми ременными кисточками. Словом, на было в дивизионе подобной упряжи, и Юзефович с удовольствием сознавал это. Майор любил его за аккуратность.

Юзефович с виду был молодецват, отличался приятной внешностью, безукоризненной выправкой и носил всегда белоснежные подворотнички. За майора же он готов был душу отдать!

...Уже вечер. Сажу возле палатки во дворе медсанбата и пишу эти строки. Кто-то окликнул меня. Я оглянулась. Передо мной стоял начальник политотдела дивизии.

— Ну, как идут дела. Что пишете? — спросил он.

Я встала и сказала ему:

— Стараюсь записать о нашей жизни, товарищ полковник, все это может быть, пригодится...

— А-а.. Ну, ну... Действуйте... — сказал он и пошел дальше.

А ночью непрерывно тянулись мимо нашего крыльца повозки, всю ночь скрипели колеса, всю ночь везли раненых..

26—27 июля 1944 года

Брест весь в огне. Целыми днями работаю в медсанбате.

Операции идут круглые сутки. Хирурги, врачи, медсестры, санитары и санитарки работают не покладая рук.

Сегодня утром, стоя во дворе у рукомойника и обмывая после операции свои по локоть окровавленные руки, хирург Путилин со вздохом говорил:

— Вот... Наши девушки... Посмотрите — как работают! Ведь уже третьи сутки не спят. Героически работают в этом аду!

Да. И я была свидетелем их самоотверженного труда.

Идет эвакуация раненых в тыл, а на их место везут новых и новых

За эти дни сделала много работ. Начальник политотдела сказал, что в политуправлении фронта предполагается выставка, где должна быть отражена работа медсанбатов. Просил меня непременно принять деятельное участие. Я рисую все, что проходит перед глазами и где только возможно. В этой тяжелой обстановке стараюсь быть незаметной. Но раненые — как они тянулись к жизни!

— Сестрица! Зарисуй меня, — говорит один раненый пожилой солдат, лежащий на соломе в сарае перед эвакуацией, — зарисуй, милая.. Жив ли буду — нет ли...

Он умолк. Я немедленно принялась за рисунок.

Какой же радостью светились его глаза, когда я выполнила эту просьбу...

...Все ближе и ближе к Бресту! Нестерпимая жара.

28 июля 1944 года

Сегодня в ночь наши войска и наша дивизия вступили в Брест. Огромная победа!!

Мы идем по улицам города. Кругом все изрыто. К нам подходят три молодые девушки и, улыбаясь, дают цветы—душистый горошек. Много зданий разрушено. Мы дошли до самого вокзала. Он еще стоит, но сильно разбит авиацией. Огромные мосты на Варшаву взорваны. Пути и рельсы порваны. По городу кое-где видны пожары. На улицах стоят немецкие указатели дорог. Мостовые буквально засыпаны газетами, страницами из книг, журналов, тетрадей — все это устилает дорогу, вздымается от мчащихся машин, кружится в воздухе. Я наступила на какую-то книгу, валявшуюся в пыли. Подняла — «Плутарх. Избранные биографии». Эту любимую книгу я взяла с собой.

Мы долго искали расположение штаба нашей дивизии и нашли, наконец, командира дивизии полковника Малькова и начальника штаба полковника Перминова. Поздравили их с победой.

Я достала разрешение на зарисовки. С трудом пришлось ориентироваться в незнакомом городе, да к тому же палящий зной, пыльный воздух, отравленный пожарами, все это неблагоприятно сказывалось на возможности хорошо поработать.

Завтра выступаем в поход. Марш чуть не 200 километров. Как всегда — не знаем направления. Выхлопотала разрешение сделать этот переход с пехотой. Это даст мне возможность начать новую серию рисунков из жизни пехотинцев непосредственно на марше.

*Марш на север
с пехотным
полком.*

1 августа 1944 года

Брест—Белосток.

Сегодня наш 29-й стрелковый полк выступает вперед. Тронулись вечером в 7 часов по Белостокскому шоссе. Обстановка и жизнь пехотного полка совершенно для меня новы. Еду на простой повозке, груженной минометами.

Таков закон марша: идти ночью — отдыхать днем. Откровенно говоря — все это мне на руку. Значит, днем можно будет рисовать.

Мы движемся в среднем по 40—50 километров в день. Вчера в дороге до поздней ночи вела разговоры с нашими новыми товарищами-пехотинцами. Какие есть рассказчики! Вот уже где таланты... Когда кони устанут — идем пешком. Это все не беда, но вот спать на марше почти вовсе не приходится. Попыталась было задремать на тряской повозке, но напрасно! Под головой минометная плита. Укрывшись шинелью, я все всматривалась в темноту. В высоком, почти черном небе, рассыпались крупные звезды. Млечный путь широкой белесоватой полосой тянулся прямо над нами и уходил за горизонт. Ночь была свежа и прохладна. Наша минометная батарея шла впереди бесконечно длинной колонны военных повозок и полковой артиллерии. Я закрыла глаза и прислушалась...

Затаенными, тревожными думами была наполнена эта темная ночь...

... Мерные шаги солдатских сапог по размятому на обочинах дороги песку... Солдаты тихо переговариваются между собой, слышно их прерывистое дыхание... Цигарки вспыхивают то тут, то там... Где-то стукнутся друг о друга котелки, автоматы... Непрерывный, монотонный скрип

тяжелых колес, фыркание лошадей, тихие людские голоса — все это сливается в какую-то невнятную и своеобразную мелодию... Привязанные к повозкам военные каски раскачиваются на ходу и глухо ударяются о деревянный борт...

Сыростью и ночной прохладой тянет из ближней ложины. Справа и слева огромное болото. В такой тьме ни зги не видно, и только по звездам, вдруг задрожавшим у самых колес, можно понять, что вокруг нас непролазная трясина. Вода разлилась прямо через дорогу, колеи так размыты что лошади едва тащатся. Захлюпали и зачавкали сапоги по густой жиже, забегали в темноте, как светляки, карманные фонарики...

... Уже рассветало. Наши повозки вдруг круто свернули по росистому лугу. Кто-то крикнул: «Прива-а-л!» — и мы поехали по сплошь заросшей осокой огромной луговине.

Отдохнув и выпавшись, я сразу принялась за работу. Все было в моем распоряжении: сколько живых, превосходных композиций! Можно ли придумать это, сидя в мастерской? Самое сильное воображение окажется несостоятельным рядом с этой природой, красотой и богатством жизни.

... Вот бойцы спят возле орудия, в тени, под самыми пушками. Вот чистят оружие. Комбат Романов! Как он был хорош, когда я увидела его под огромной военной повозкой, где он примостился и, лежа в траве, строчил письмо на родину, подложив под бумагу полевую сумку. Я начала его быстро рисовать. Но он сразу заметил это, начал поправлять пилотку, гимнастерку и тут же выбрался из-под повозки смущенный и растерянный.

Я засмеялась и едва упросила его занять прежнее место. Рисовала я долго, сделав законченный рисунок. Комбат остался очень доволен.

Целый день работала. К вечеру, когда стемнело, тронулись дальше.

2 августа 1944 года

С утра полил дождь, и мы промокли до костей. Привал в густом лесу, на опушке. Коней не распрягали, и мне удалось сделать много рисунков для серии работ «К фронту».

Ефрейтор Володя Зарайский охотно позирует, сидя на повозке. Палатки намокли и имеют вид каких-то рыцарских плащей.

Грязь. Колеи полны воды. Темно-серая тяжелая туча За лесом пожар, густой дым стелется по небу. Огромная черная ель у дороги. Порывистый ветер злобно раскачивает косматые ветви. 76-миллиметровые пушки на дороге застряли в грязи.

Не расstaюсь с альбомом и записной книжкой.

3 августа 1944 года

Дождь льет всю ночь напролет. Плащ-палатки уже не спасают. Шинели так набухли от воды, что сделались пудовыми. Спаситься от дождя невозможно, а впереди еще длинный путь. Солдаты измучились...

К вечеру небо неожиданно прояснилось. Ветер быстро осушил землю, и путь стал легче.

Было еще светло, когда мы въехали в знаменитую Беловежскую пущу. Что-то былинное почудилось мне в ее девственной величественной красоте.

Огромные, вековые, в несколько обхватов ели и сосны. Их стволы бруснично-розового цвета, необыкновенно чистые, гладкие, как сердолик, похожи скорее на колонны древнего храма. Темные заросли папоротника, как неприступные ограждения, сурово охраняют подступы к этому таинственному царству.

Несмотря на всю усталость, солдаты восхищались красотой могучего бора

18 августа 1944 года

Вот уже почти две недели, как наша часть в деревне Пеньки, в Белоруссии. Мы стоим на отдыхе. После тяжких брестских боев идет пополнение новыми силами.

Какой праздник, какой парад в нашей дивизии! Ей присвоено звание Пинской и Краснознаменной. Митинг, торжественный обед и концерт на лугу. Такие передышки позволяют мне много работать в разных подразделениях.

1—6 сентября 1944 года

Погрузка эшелона на станции Белосток. Мы идем на новый фронт. Как и всегда, никто не знает — куда. Но определенно—куда-то на север.

Тящимся медленно. Эшелон идет с большими стоянками. Проехали станции Волковыск, Лиду, Молодечно. Работаю целыми днями. (Серия рисунков «С фронта на фронт»)

Эшелон идет по следам боев. Что ни шаг, то живая история. Панорама разбитого Полоцка и взорванный мост через Западную Двину, рухнувший в реку.

Сегодня долго стояли на станции Полоцк. Рядом — эшелон, груженный артиллерией. Против нашего вагона — платформа с гаубицами. Бойцы

сидят на орудиях, укрытых брезентом. Идет политбеседа. Хмурое утро. Накрапывает дождь. (Сделала подробный рисунок.)

Великие Луки.

Город разбит совершенно. Население ютится в земле.

К вечеру эшелон двинулся дальше. Начинается зона бомбежек.

На станции Торопец, куда мы движемся, объявлена воздушная тревога. Мы идем прямо под бомбы. Видно, как бьют зенитки.

8—23 сентября 1944 года

Прибыли в Бологое. Наш эшелон на небольшой станции Медведево. Здесь полно беженцев — ждут погрузки в эшелон. Целые поселения на железнодорожных путях. Чего только тут нет!

Горы имущества, всякого скарба, огромные чем-то наполненные мешки, кровати железные, швейные машинки, сундуки... Вот уже месяц, как живут здесь люди на путях в шалашах из тряпок и соломы в надежде, что их увезут... В пыли копошатся ребятишки. На них страшно смотреть. Особенно грудные малыши. Они лежат в самодельных люльках, сделанных из простых корзин, с которыми ходят за грибами... Одна женщина, насыпав пшеничные зерна на плоский камень, разбивала их другим камнем, чтобы испечь детям лепешки. Пищу готовят на кострах. Три дня мы стояли на станции Медведево, возле Бологого. Я сделала много рисунков.

Проехали Старую Руссу. Здесь одни камни! Все разрушено.

Долго стоим на станции Дно. Приказано вывести коней из эшелона и пасти на ближнем лугу. Закат. Холодно. Пошла к коноводам. Солдаты Горохов, Калиниченко у костра. Солнце сквозь тучи. Весь вечер возле их костра с альбомом.

Весь день сегодня в солдатских теплушках. Хожу по вагонам, рисую. Смотрю. Ребята веселые — в пути отдыхают. Позировали для композиции «Давай, закурим». Степан Лещук особенно хорошо позирует. Много работаю.

С вечера часов в десять тревожные разрывы зениток высоко в небе над Псковом. Эшелон разгрузили в 2-х километрах от города.

Теперь все ясно. Скоро вступаем в бой. Попали на серьезный, ответственный и тяжелый участок. Нас двинули под Ригу.

В Прибалтику.

1944 год. Конец сентября

В дымной, закопченной сторожке разоренного латвийского хутора пишу эти строки. Холод собачий. Сижу в шинели, из которой не вылезешь ни днем, ни ночью. Печка хоть и топится, но толку мало — поминутно входят люди, и комната наполняется осенней стужей. Возле печки греются и дремлют солдаты, простоявшие всю ночь на посту. Где-то гремит артиллерия...

Вот, наконец, и Прибалтика!

Огромный путь прошли мы сюда по военным дорогам.

Наша дивизия закончила бои за Брест, мы выступили в новый поход.

Особенно запомнился путь на подступах к Прибалтике. Здесь камня на камне не осталось. Все разбито. Разрушены до основания Полоцк, Великие Луки, Старая Русса. Станции, железнодорожные линии, мосты — все взорвано. Немецкие бомбардировщики днем и ночью преследуют советские военные эшелоны.

Я стараюсь записывать в свой дневник все, что проходит перед глазами. Вот вчера ехали в эшелоне вдоль железнодорожного полотна, взорванного немцами. По обеим сторонам нашего вновь проложенного пути — огромные воронки. Мы движемся по свежей песчаной насыпи, которая вот-вот оползет под тяжестью эшелона. Эшелон дрожит и медленно-медленно движется.

Подвергаясь опасностям и трудностям подошли мы, наконец, к незнакомой Прибалтике, полной гитлеровских войск.

Мы в Латвии. Со станции Псков полк наш прибыл в район Лусари. Здесь удивительная по красоте природа, широкий, необычный ландшафт. Бесконечные возвышенности и холмы, покрытые лесами, рощами и лугами. Глядя на эту резко пересеченную местность, невольно думается, что хлебом мы здесь горя...

Сейчас еще тихо и это дает мне возможность делать рисунки и даже заканчивать некоторые маленькие композиции, сделанные на марше. Солдаты в свободную минуту никогда не отказываются мне помочь, а их помощь мне крайне необходима — ведь хочется как можно основательнее доработать все с натуры.

С 6 на 7 октября 1944 года

Глубокая темная ночь. Медленно, в напряженном молчании движется вперед по фронтовым дорогам Латвии наша огромная, нескончаемая колонна машин, артиллерии, обозов, пеших и конных частей.

Мы идем на Ригу. Наша дивизия вступила в бой в районе Сигулды. С вечера моросил дождь, и низкие тучи нависли над линией фронта. В полночь прошли линию вчерашней обороны противника. Во тьме крошечной с трудом можно различить остатки недавних тяжелых сражений. Скелеты разбитых домов зловещими силуэтами чернеют на фоне темного, тревожного неба, поминутно освещаемого то красными, то зеле-

ными, то фосфорно-голубыми ракетами. Огромные воронки вспахали землю. Орудия так накреныются, что вот-вот опрокинутся...

Грозно гудят бомбардировщики в этой черной бездне. То и дело слышится грохот разрывов авиабомб. Огненные зарницы полыхают над горизонтом.

Но что это? Я невольно вздрагиваю и прижимаюсь к повозке. Внезапно с ревом и свистом из темноты ночи вынырнуло огромное тело мессершмитта. Он прошел совсем низко, прямо над головой, и, чуть не задев нас своим брюхом, злобно зажужжал и взмыл в высоту.

— Ишь, сатана! Пешком ходит, — пробурчал себе под нос рядовой Медведев, сидевший рядом со мной.

Передвигаться неимоверно трудно. В колонну вливаются все новые и новые части. Мы тащимся в самом хвосте. Не доезжая метров пятьсот до места назначения, получили команду свернуть с дороги, чтоб расположиться на ночлег в ближнем лесу. В темноте, почти ощупью, пробираемся через поле на опушку небольшого перелеска, но и тут все забито войсками. Некуда и приткнуться.

Мы устроились в повозках, прямо на жнивье. Но кто же мог заснуть или даже забыться в эту беспокойную ночь? Зарядил мелкий назойливый дождик, все прозябли и промокли до костей. Хоть бы у костра погреться! Но какие тут костры — об этом и думать нечего. Немецкие самолеты всю ночь рыскают по небу.

7 октября 1944 года

С рассветом дождь перестал. Опушка леса и ржавое мокрое жнивье, где мы располагались на ночь, все было окутано нежным осенним туманом. Мы выбрались на большак и спустились в лощину к небольшой береговой роще.

За ней виднелись остатки хуторов, разбитая церковь и обгорелые сады. У калитки палисадника я вижу нашего майора Тарутина, который, улыбаясь, приветствует нас и машет вслед рукой.

— Товарищ майор! — кричу я ему, — зайдите сегодня на полевую почту, там для вас письмо лежит, говорят от матери из дома!

Обрадованный, он весело крикнул что-то в ответ, но в эту минуту отчаянный свист снаряда заглушил его голос, и мы неожиданно оказались в зоне сильнейшего артиллерийского обстрела. Все бросились врас-

сыпную, кто куда, припадая к земле. Снаряды рвались и справа, и слева, и впереди, брызгая осколками, вырывая с корнем деревья, засыпая нас листьями и песком.

— Пропали! — слышу я сдавленный голос бойца Петренко, который лежит метрах в двух в лесной канавке, прижавшись загорелым лицом к земле, весь окутанный пороховым дымом.

— Да, пропали, брат! — шепчу я про себя, припав к холодной траве.

Долго длился этот жестокий обстрел, никто не думал уйти отсюда живым. И когда все стихло, мы скорее двинулись вперед.

Навстречу нам медленно приближалась запряженная телега. Что-то недоброе почудилось мне. Я подбежала к повозке и отшатнулась. Покрытый шинелью лежал в телеге убитый майор Тарутин.

Бледное, равнодушное солнце проглянуло из-за туч, и пожелтевшая листва берез осветилась всеми оттенками золота и багрянца...

Трудно описать картину, которая открылась перед нашими глазами через несколько минут. На большой поляне, сплошь покрытой свежими воронками, солдаты зарывали в землю погибших от этого обстрела бойцов. Их было не менее двадцати. Здесь в березовой роще, вдали от родных городов и деревень, остались они навсегда лежать в братской могиле.

Пишу эти строки в лесу возле старой березы, разбитой снарядом. Слышатся грозные раскаты орудийных выстрелов — это наши бьют. Я уже хорошо научилась распознавать на слух огонь и нашей и неприятельской артиллерии. Сейчас поужинаем — и снова в путь. Что-то ждет нас на этой дороге, где смерть прячется за каждым кустом?..

8—10 октября 1944 года

Мы ни одного дня не стоим на месте. Трудно стало делать даже небольшие зарисовки. Кругом, куда ни глянешь, по всем дорогам — войска, войска и войска. Вот совсем еще свежие немецкие ровики и окопы у дороги, вот наши солдаты-пехотинцы в касках поспешно и лихорадочно обгоняют нас, вон там в долине от сильных залпов батарей белые клубы дыма взлетают высоко в воздух. Наш повозочный Медведев вдруг дергает меня за рукав и молча кнутом показывает в сторону. Что это там? На каменных руинах взорванного здания гигантской кистью намаляваны наглые фашистские лозунги: «**МЫ ЕЩЕ ВЕРНЕМСЯ!**», и черной сажей намазан крест, череп и кости.

— Ого! Еще огрызается собака! — выругался Медведев и с силой хлестнул по лошадям. Солдаты же, проходя мимо, смеются над бессильными угрозами озлобленного врага, отступающего под напором Советской Армии.

Навстречу нам по шоссе тянутся повозки с беженцами. На большаках, на дорогах стоят огромные фанерные плакаты: «**ДАЕШЬ РИГУ!**» Обездзы и кюветы особенно опасны. Здесь, как и под Брестом, — множество мин. Обстановка с каждым часом все тревожнее. Серьезные, тяжелые бои...

На ночевку расположились в пустом латвийском хуторе. Лунная ночь. Услышав глухие шаги и сдержанный говор солдат, я вышла из землянки узнать в чем дело и притаилась у входа. Раздвигая кусты, не тропинкой, а прямо целиной шли к главному блиндажу несколько человек солдат

с автоматами, кольцом окружая странную, высокую фигуру. Я поняла, что ведут пленного. Скоро начался допрос. Мы вошли в блиндаж, где теснилось уже много наших товарищей.

При туском свете керосиновой коптилки сидели за столом майор и переводчик. Пленный, огромного роста солдат стоял тут же у стола, вызываясь поднимая голову. Черные пряди густых спутанных волос выбились из-под пилотки и прилипли ко лбу, покрытому пятнами крови. Запомнились воспаленные белки больших темных глаз, устремленных в пространство.

Допрос продолжался далеко за полночь. Показания подтвердили, что противник отступает в направлении Риги, закрепился на рубеже реки Маза-Югла в районе Лайвинас.

Сегодня произошла у нас удивительная история.

Утром, когда капитан Лопухов умывался на роднике рядом с нашей землянкой, прилетел тяжелый снаряд и упал возле его мыльницы на берегу. Снаряд не разорвался!

Добродушный и покладистый, человек невозмутимого спокойствия, капитан Лопухов рассказывал об этом как-то нехотя, с улыбкой не вос-

хищаясь и не удивляясь превратностям судьбы. Но к вечеру все подразделение уже знало о «снаряде капитана Лопухова»

11 октября 1944 года

Наступление на Ригу развивается с сокрушительной силой. Пехота уже форсировала реку Маза-Югла. Слух прошел, что среди отличившихся при этой трудной операции и наш повозочный батареи Лудцев — это тихоня-то, флегматик, на вид всегда такой сонный — вот молодчина! Кто бы мог подумать?

Вечером меня вызвал начальник политотдела. Оказалось, что надо было сделать несколько работ для выставки при политуправлении фронта. Прислали целую программу и план работы. Мы сидели до поздней ночи, обсуждая, что можно было сделать? Но обстановка стремительного наступления на Ригу исключала всякую возможность сделать что-то основательное.

— Подождите уходить, — сказал мне начальник политотдела — я жду старшину-разведчика Ходосова из 29-го полка. Видели ли вы его когда-нибудь? Это не человек, а сама легенда! Советую остаться

Я давно знала о бесстрашном разведчике и его подвигах, но встретиться с ним ни разу не приходилось.

Не прошло и полчаса, как мы услышали тяжелые шаги. Человек уверенной поступью приближался к блиндажу. Чья-то сильная рука отдернула плащ-палатку, прикрывавшую дверь, и на пороге блиндажа выросла богатырская фигура разведчика Ходосова. Уже один внешний вид его говорил о том, что это — гроза немецких боевых охранений!

После доклада, который старшина сделал начальству, полковник сказал:

— Ну, Ходосов, тебе сегодня некуда торопиться. Расскажи-ка нам о своих делах.

Слегка смутившись, старшина засмеялся, сел возле железной печки и начал рассказывать, как ходил с товарищами на вылазку. Слушая его, было очевидно, что у него настоящий талант разведчика, что он обладает природным даром угадывать секунды, мгновения, когда и где надо опередить врага, использовать его оплошность, замешательство, переходить на риск и вступать в поединок со смертью. Он рассказывал долго и охотно. Мы не уставали его слушать. Мне запомнился такой эпизод.

Командир полка полковник Евстигнеев сказал как-то Ходосову, что каждый вечер немцы выкрикивают с переднего края по радио:

— «Ходосов! Сдавайся! Мы тебе под Берлином дачу дадим! Будешь обеспечен!!»

Ходосов пошел к своим разведчикам, посоветовались и решили положить конец такому возмутительному делу. Наступила ночь. Пошли. Кругом болота непролазные. С трудом пробирались, уже далеко зашли — и вдруг слышат то же радио, но только уже где-то позади. Что делать? Влево — овраг. Дорога. Рассмотрели — следы шин... Так... Подползли ближе... Агитмашина в овраге!!! Еще ближе. . Шофер в кабине спит. В машине голоса... Говорят... Товарищ тихо расправился с шофером, а Ходосов в одно мгновение открывает дверь машины и кричит:

— Хальт! Хэндэ хох!!! Шнель!

Фашисты были так огорошены внезапностью нападения, что растерялись и, не успев схватить оружие, сдались в плен.

— А аппаратуру мы всю разбили на мелкие куски, — заключил старшина. — Пленных тут же утащили к себе и сдали в штаб.

В другой раз, встретив ночью более 70 человек немецкой разведроты, он с 12-ю разведчиками одолел противника. Одни были захвачены в плен, других уложили на месте, остальные пустились в бегство.

Старшина-разведчик Ходосов был представлен к званию Героя Советского Союза.

12 октября 1944 года

Идут решительные, жестокие и последние бои за Ригу. Сегодня мы сполна почувствовали, что подошли к сложному рубежу. Приехали к месту нового назначения и расположились метров пятьсот правее дороги вдоль шоссе Псков—Рига в районе Гаркалнэ. Мы очутились в самой гуще артиллерийских позиций. Ревели «катюши», отчаянно палили из пушек, по всему лесу грохотали раскаты орудийных выстрелов. И солдаты и командиры—в приподнятом расположении духа.

Наша часть разместилась в каменном полуразбитом домике. Кругом и вдоль и поперек окопы. Метрах в 15-ти от дома яма, кем-то наспех покрытая одним накатом. Солдаты, не покладая рук, копают все новые и новые ровики. Мимо нас по шоссе идут огромные колонны танков и артиллерии. Они быстро скрываются, маскируясь где-то в лесу. Было ясно, что эту огромную поляну и лес, которые пошлют на Ригу тучу огня и металла, тоже не пощадят. Мы всего в 10—15 километрах от города.

Тут же по шоссе тянутся повозки и машины—везут раненых. Некоторые легкораненые бредут пешком. Двое совсем молодых ребят дошли до нашего блиндажа, прилегли на траву и заснули, как мертвые. Я успела сделать с них два рисунка.

Часов в шесть вечера усталые после большого перехода и дневных работ мы стояли на лугу возле леса и говорили о событиях дня, о том будто враг, отстреливаясь, бьет из-за Двины из тяжелых морских орудий.

Вдруг откуда ни возьмись, с неистовым визгом, пронесся над нашими головами воющий снаряд и разорвался на опушке леса. Мы едва успели опомниться, но вот летит уже и второй снаряд, за ним еще и еще—и пошло! Начался ураганный обстрел с прямым попаданием по нашему расположению. Мгновенно стало известно, что убито уже 11 человек из расчета «катюш».

Мы укрылись возле дома в яме покрытой одним накатом. Народу

набилось сюда до отказа. Неприятель бил и бил по нашему участку, бил яростно и ожесточенно. Сквозь узкое отверстие убежища было видно, как багровым пламенем озарялся воздух. Всю поляну заволокло дымом. Мы потеряли счет разорвавшимся снарядам. Вот еще один!

Наш! — крикнул кто-то. Земля дрогнула, покачнулась и стала как будто жидкая, колеблется, как вода, взрыв совсем рядом! Бревна наката трясутся, трещат.

До поздней ночи враг не унимался и заливал нас огнем. Раскалились

95

и наши орудия, все дальше и дальше оттесняя противника. После часу ночи обстрел стал стихать. Стало ясно, что немцы отступают.

Чуть только начало светать, я пошла умыться и, зачерпнув кружку воды из ведра, увидела невдалеке капитана Лопухова.

— Ну как, товарищ капитан, — спросила я его, — далеко ли отошел неприятель?

— Рига почти в наших руках! — закричал он громко и восторженно. — Немцы ушли на ту сторону Двины. Наши уже в городе. Сейчас едем!

Мы молниеносно собрались и помчались вперед, теперь уже в самую Ригу. Еще шли над нами воздушные бои, гул наших самолетов слышался в вышине над этой огромной движущейся армией, как бы напоминая её о том, что она защищена и с высоты, и теперь может свободно вступить в освобожденный город.

Время от времени враг швырял по лесу бесполезные снаряды. Рига, вот она! Мы мчимся уже по улицам. Огромные заводы горят вдали. Зловещий черный дым тянется через весь город. Говорят, что враг еще держится на той стороне Двины

Мы обосновались в большом и пустом доме на левой окраине города, напротив старого кладбища. Набережная была еще под обстрелом.

Но что творилось в ближних кварталах! По улицам шли войска, смешиваясь с гражданским населением. Самоходки, пушки сновали туда и сюда. Низко над крышами гудели моторы наших самолетов. Со всех сторон слышались песни, игра на баянах и гармошках. Испуганные жители, вылезая из убежищ, таскали свои узлы, чемоданы. Заплаканные лица ребятишек робко показывались кое-где в окнах. На мостовых грудам валялся какой-то хлам. В садах горели костры, дымили походные кухни. Весь день прошел, как во сне. Урвала все-таки время для осмотра старого кладбища. Здесь поразила и навсегда запомнилась мне надпись на вековом заросшем памятнике: «Только тот мертв, кто забыт»

ГЛАВА 10

Курлендский полуостров.

20 октября 1944 года

Итак, на новый фронт Куда — не знаем. Нам и не положено это знать Мы идем снова пешим маршем всей дивизией по равнинам Латвии

За эти дни проделали огромный путь После Риги прошли через Бауску, Елгаву, Шауляй, Тельшай и Куршенай в направлении Вайнодэ. Огромный город Шауляй почти стерт с лица земли — сплошные руины!..

1 ноября 1944 года

Сегодня прибыли на новое место Трудно представить себе дорогу, более ужасную и мучительную Хлестал проливной дождь с холодным, сырым ветром Чтобы выехать на большак, надо было проехать всего только один километр И вот мы четыре часа бились, чтобы преодолеть этот километр. Огромная грузовая машина едва не вышла из строя Почва здесь так размыта дождями, так разбита и разворочена, что обратилась в непролазную густую жижу. Мы выбились из сил Машина то буксует, то вовсе заваливается Чего только ни придумывали солдаты — и камни и солому набивали под колеса — все тщетно. Наконец прибегли к последнему способу: притащили жерди из леса и чуть ли не через каждый метр подкладывали под колеса. А дождь — как из ведра! Грязь заливает в сапоги Шинели промокли насквозь, холодище..

С грехом пополам добрались до Вайнодэ.

Сирой, пронизывающий туман Небо затянуто промозглой мутно-

белой пеленой. Всю местность враг простреливает. Чувствуется, что идем на трудный участок. Здесь все дышит смертью. Проехали сожженный хутор. Обуглившиеся столбы вчерашних хат. Мертвый, обгорелый скот. Едкий дым пожара стелется низко по земле.

— Вот и наш домик, — говорит ст. лейтенант Н. Грачев, он ведаёт маршрутом.

На склоне оврага смутно чернела пробитая снарядами мокрая крыша разоренного хутора. Вражеские трупы застыли в огромных воронках, утопая в жидкой грязи. Усадьба сплошь перепахана снарядами, траншеями, окопами. От построек остались одни камни. Полное разорение и к тому же непролазная грязь, смешанная с сажой и углем сгоревших строений, — смрад и мерзость войны!

Мало того, враг упорно обстреливает этот полумертвый участок земли, бьет из орудий, танков, фердинандов. В этом плотном тумане трудно определить на слух орудийный выстрел врага. И вот — то справа, то слева методически рвутся и несут смерть фашистские снаряды. Здесь наше пристанище. Нас шестьдесят человек, и этот домик должен вместить всех. Ходим буквально по головам!

4 ноября 1944 года

Итак, снова напряженные, трудные бои. Вот она — Прибалтика. Здесь на Курляндском полуострове прижато к морю около 30-ти дивизий противника. Они будут сражаться не на жизнь, а на смерть. У них нет другого выхода — или отбиться, или погибнуть. Пленные говорят, что отступить им не приказано. От них же стало известно, что из-за бездорожья немцы подвозят свои боеприпасы морским путем, а от портов доставляют их конным транспортом и тягачами. Да, очевидно, правильно говорят наши люди, что здесь будут страшные, жестокие бои.

...Непрерывный дождь льет всю ночь напролет. Если так будет дальше — мы пропадем. И вот в такую непогоду, когда в нескольких шагах впереди ничего не видно, такой туман, пришел майор В. А Бисеров и просит пойти к ним в часть помочь в работе. Они стоят отсюда в пяти километрах. Работа срочная. Мы пошли проселочной дорогой, по коленам увязая в грязи. Был ветреный осенний день. Набегавшие тучи то расходились и открывали большие прогалины бледно-зеленого неба, то снова наползали и сеяли дождь.

Мы спустились в овраг, заросший мелким орешником. Сквозь оголенные деревья виднелись грозные силуэты замаскированных орудий, огневые позиции и шалаши бойцов. Глухой, нарастающий гул на зловных и низких нотах мычит где-то там высоко за тучами.

— Возду-у-х! — крикнул кто-то тревожно.

Мессершмитты идут прямо в нашу сторону, совсем низко! Вот уже черные точки отделились от самолетов и падают вниз. Я едва успела крикнуть:

— Майор! Бомбы!! — и только мы бросились на землю, как метрах в двухстах от батарей взметнулись разрывы. Но бомбы разорвались не здесь. Впереди на нашей дороге, возле хутора Эмбутэ, охваченная яростным пламенем, пылала «катюша». Мессершмитты зажгли ее прямым попаданием.

Мы, наконец, пришли.

Густой еловый лес. Высокие деревья глухо и мрачно шумят в этот ненастный день, точно и они понимают, что вокруг — война. Все кругом набито войсками, завалено спиленными елями, бревнами, застроено блиндажами. Прохладой, свежей смолой и едким запахом бензина веет оттуда.

...Передохнув, принялись за работу.

Часа в три прибежал за распоряжениями шофер Харченко и сообщил, что с передовой привезли убитого ст. лейтенанта Штепу. Я только изредка встречала этого молодого офицера, но не раз слышала, что он на хорошем счету и пользуется должным авторитетом в своем противотанковом дивизионе. Штепа убит.

Мы с майором В. А. Бисеровым поспешили к повозке. На пароконной военной телеге стоит свежий сосновый гроб. Крышка — забита. С одной стороны гроба подоткнут трехгранный деревянный столбик с пятиконечной звездой и металлической дощечкой:

«СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ШТЕПА УБИТ В БОЯХ
ЗА СОВЕТСКУЮ РОДИНУ 4 НОЯБРЯ 1944 ГОДА»

С другой стороны, прижавшись к гробу, лежит совсем молодой, тяжелораненый боец. Вся шинелька его, закорузлая от глины и крови, насквозь прожжена и порвана. На вид ему — лет девятнадцать. Серый вязаный шлем вместо пилотки туго натянут на безжизненной голове. Темные пятна запекшейся крови покрывают все его бледное лицо, по-детски

милое. Он без сознания, но с каким доверием прижался лицом к стенке гроба, страшно смотреть!

Сперва мне показалось, что их вместе привезли хоронить, но подошедший повозочный дотронулся до плеча раненого и окликнул:

— Клименко! Клименко!

Боец, не открывая глаз, зашевелил губами.

— Давай скорее в медсанбат, — сказал майор дрогнувшим голосом, и пароконная повозка, медленно двинулась по лесной дороге.

5 ноября 1944 года

Невероятная распутица! Дело дошло до того, что даже лошади со вьюками передвигаться не в состоянии и корм для них солдаты доставляют на руках. Движение войск почти парализовано. И днем и ночью гудят в воздухе немецкие самолеты, бомбят застрявшие машины и транспорт. И все же идут жестокие бои. Каждый день несет гибель врагу, каждый день и наши сводки полны именами убитых и раненых.

Мы все подавлены горем: в нашем полку убит зам. командира дивизиона капитан Володя Черноусов. Я знала его еще с самого орловского наступления, он был тогда у нас командиром батареи. Один из лучших товарищей нашего артиллерийского полка, этот юноша навсегда останется в памяти близко знавших его людей.

Крестьянин из Смоленской области, всего 23-х лет от роду, он отличался прекрасными деловыми и душевными качествами. Печать какого-то внутреннего благородства отмечала не только черты его лица. Вся фигура его, походка, манера обращения с подчиненными, безупречная опрятность, лишенная всякого щегольства, врожденная порядочность и доброжелательность к людям — все внушало невольное уважение к нему и солдат и офицеров. Этому человеку несомненно открывалось большое будущее. Оно окончилось сегодня.

Вот подробности его смерти: «29 октября в бою за населенный пункт Брувери, когда противник вел уничтожающий огонь, зам. командира дивизиона гвардии капитан Черноусов во время атаки наших танков поднял пехоту 29-го стрелкового пехотного полка и вместе с солдатами сопровождал танки до переднего края и только тогда вернулся на НП, когда противник был сбит с рубежа». А 30-го числа в столь же ожесточенном бою Володя Черноусов героически погиб.

Дни и ночи живем под бесконечными обстрелами. Рассказывают, что на НП творится что-то страшное. Обреченный на смерть враг сосредоточил против нас большую силу огня «королевские тигры», «фердинанды», шестиствольные минометы бьют из вкопанных танков, бросает противопехотные фугасы, зажигательные и авиабомбы — земля горит!

Наш командир дивизии полковник Д. К. Мальков, командующий артиллерией полковник М. И. Амброжевич вместе с товарищами живут на НП среди моря огня. Все говорят об их мужестве.

Вот что случилось вчера, когда противник вел сильный обстрел, разорвавшимся снарядом убило адъютанта комдива капитана Сергея Полубоярцева. Мы все хорошо знали Сережу и относились к нему с глубокой симпатией. Рассказывают, как только полковник Мальков услышал о гибели Сергея, он сразу бросился из блиндажа, узнать скорее о случившемся, но в эту минуту в дверях блиндажа появилась фигура де-

вушки-санитарки из 31-го арtpолка, которая преградила путь комдиву и не выпускала его. Вокруг рвались снаряды. Девушка упорно стояла в дверях и не выпускала его до тех пор, пока обстрел не прекратился и пока тело капитана Полубоярцева не было принесено в подвал, метрах в 30-ти от НП.

Когда полковник вбежал в подвал, он увидел ужасную картину: капитан лежал на полу, весь залитый кровью. Некоторые товарищи, узнав о гибели Сережи, прибежали в подвал. И вдруг новый снаряд падает у самого входа, оглушительным взрывом вышибает обе двери, и воздушная волна, как ураган, с силой врывается в убежище, сокрушая все на своем пути. Но все остались живы. Смерть не посмела коснуться людей, пришедших отдать последний долг своему товарищу...

7 ноября 1944 года

Праздник. 27 лет Великому Октябрю. Судя по слухам, у нас будет передышка. Совсем уже в сумерках на опушке леса встретила командира нашего полка полковника Д. А. Авралева. С трудом пробирался он по лесным тропам, по колено в грязи. Шел он от командира дивизии, который только что вручил ему орден Ленина. Я была рада лично поздравить своего командира с такой высокой наградой.

Ни жить ни работать невозможно в нашем переполненном до отказа домике. Все бегут отсюда и стали копать себе землянки. Мы тоже переходим в лес, в блиндажи.

20 ноября 1944 года

Бои возобновились с прежней силой. Непрерывные контратаки снова там же, возле этого кладбища в районе Калнынь, Тульчи, Эзергалы. И все та же ужасная распутица!

Сегодня узнали еще о новой жертве. Погибла Оля Ершова, санинструктор 2-й батареи. Сколько раз я рисовала ее с сумкой Красного Креста через плечо, и как скромна и застенчива была она в эти минуты! И так мужественно погибла. Перевязала на поле боя девятнадцать раненых бойцов и вдруг узнала, что ранен командир батареи Моргунов. Она бросилась к нему на помощь и в эту минуту получила тяжелое ранение.

22 ноября 1944 года

Темная осенняя ночь. Дождь со снегом. В землянке топится печка. Трещат сырые березовые дрова. Сильный обстрел нашего леса. Бьет по блиндажам. Оконце в нашей землянке целиком вылетело. Страшно...

Неужели мы вернемся домой с этой войны?..

Кругом смерть... Тяжело ранен Герой Советского Союза майор Воронин из 37-го полка.

Погода ужасная. Идет снег, идет дождь, снова снег... Все это тает, уходит в землю, и блиндажи наши катастрофически наполняются водой.

107

С потолка течет. Вода просачивается всюду и струится по стенкам ручьями.

В блиндажах жить невозможно! Окончательно залило водой. Как же быть? Ведь стенки оползают, рушатся. Под койками вода на 30 сантиметров. По существу, это — колодец. Мы нашли в лесу какую-то старую дверь, и она, как плот, плавает вместо пола

7 декабря 1944 года

Большая новость! Сегодня приезжал командующий артиллерией дивизии полковник М. И. Амброжевич. Он объявил приказ о том, что мы идем на новое направление. Мы стали готовиться к походу.

Утром в 11 часов сели по машинам, чтобы покинуть этот суровый край, где потеряли столько прекрасных боевых товарищей.

Однако трудно было представить себе, как же мы выберемся отсюда по такому бездорожью? Как вывезем орудия, тяжелые машины, танки? Сегодня легкий морозец хоть и прихватил грязь, но все же ему не спасти положения. Вот мы выехали на бугор и что же видим?

До горизонта вся дорога, по которой должны были пройти наши войска, представляет собой сплошную, широкую, надежную гать! Могучими свежесрубленными деревьями плотно вымощен на много, много километров наш путь по размытой дождями и разбитой войной земле. Теперь по такому деревянному настилу, созданному чьей-то умной головой и трудовыми солдатскими руками, можно вести и армию, и материальную часть. Наша колонна соединившись с 8-м противотанковым дивизионом, двинулась вперед.

Давно забыли мы о солдатских песнях, давно не слышали веселых голосов. И вот на новом марше солдаты запели дружно, громко, грянув во всю мочь походную боевую песню.

Сколько решимости, мужества, сколько неукротимой отваги было в ней! Какой жизнеутверждающей силой звучала она под хмурым небом Прибалтики, видевшей столько смертей, крови и слез человеческих...

*Идем на Варшаву,
по земле Польской*

Декабрь 1944 года

Наша гвардейская дивизия вышла из освобожденной Прибалтики. Жестокие бои позади. На станции Шауляй мы погрузились в эшелоны и двинулись в новый поход. Держим путь куда-то в южном направлении, по-видимому, на другой фронт. Уже позади остался Вильнюс, спустились на Белосток и поздно ночью подошли к Минску-Мазовецкому. Теперь все ясно: мы под Варшавой. Все, что происходит кругом, говорит за то, что здесь будут бои не на жизнь, а на смерть.

От Минска-Мазовецкого идем пешим маршем. Сейчас наши полки ринутся освобождать Варшаву. Наступление столь стремительное, морозы так свирепствуют, что я почти бессильна запечатлеть события. Жаль, что приходится ограничиваться набросками на ходу. И все же во время стоянок кое-что удается.

14 января 1945 года, деревня Вильковичи-Хмелюв

Близок рассвет. Пишу эти строки и слышу, как дребезжат стекла в окнах, как трясется земля, мелкой дрожью вздрагивает наша изба. Идет артиллерийская подготовка. Я вышла на крыльцо. Отдаленный грозный гул слышен в этом предрассветном сумраке. Началось наступление.

Варшава! Она совсем близко. В смутной тревоге мы все отчетливо понимаем — подошли суровые дни, которые решат судьбу древнего польского города...

10 часов 30 минут утра. Проехали переправу через Вислу. Вот мы уже на плацдарме, захваченном нашими войсками. Густой тяжелой туман навис над землей. Открытая снежная равнина. Одинокие ветлы. Глыбы взорванной промерзлой земли, припорошенные снегом...

Начали копать блиндажи. Эту скованную морозом, окаменелую землю не пробивает даже лом! Солдаты выбились из сил. Уже вечереет, мороз крепчает, а они все бьют и бьют эту железную землю, обливаясь потом.

Надвигается ночь, и нет никому пристанища. Пробить землю невозможно. Что будем делать? Ледяной ветер свистит по равнине, не дает разбить палатки, он готов унести и нас и все наши орудия в темноту этой холодной ночи, опустившейся над чужой землей...

Внезапный грохот и рев «катюш» потряс воздух. Огненные раскаленные, гигантские стрелы несутся в небо, исчезая в бесконечности...

Уже полночь. Наконец все облегченно вздохнули — землянки готовы, можно укрыться.

Через два часа пришел приказ—двигаться вперед!..

16 января 1945 года

Каждый день новые и новые победы! Наши войска прорвали линию обороны противника на 60 километров в глубину и 150 — в ширину. Сокрушительный удар! Прошел слух, что Рокоссовский с севера тоже впереди. И левый сосед не дремлет, продвинулся далеко. Варшаву, по-видимому, окружают.

Сегодня мороз 20 градусов. Когда я утром выглянула из-под брезента машины, над польскими садами вставала алая заря. Мы мчимся вперед, едва догоняя своих. По дорогам встречаем польские войска. Приветствуем друг друга

17 января 1945 года, Господни Дворики

Утром узнали — Варшава взята! Ура!!! В 2 часа снова двинулись вперед. Городок Гродзек. Все ликует. Жители городка, все его население шпалерами стоит на улицах и приветствует нас овациями! День ослепительно солнечный. Морозный снег искрится, сияет, как будто все покрыто серебряной парчой. Наши машины без усталости мчатся по прекрасным

польским дорогам, обсаженным высокими деревьями Мы идем по Польше быстрым маршем и едва успеваем догонять отступающего в панике врага А он ничего не успевает—ни минировать дорог ни взрывать мосты

Усталые, мы расположились на ночлег в крестьянской избе В полночь разбудил неистовый стук в дверь В хату ворвался хозяин дома В рваном пиджачишке, промерзший до костей, без шапки, на ногах опорки Как безумный метался по комнатам и радостно кричал жене

112

«Русские! Русские!» Схватив на руки свою трехлетнюю дочку, сжал ее в объятиях и, заливаясь слезами, громко вскрикивал. «Зоя! Зоя! Зоя!» Казалось, он сошел с ума В сильном возбуждении, дрожа, как в лихорадке и нервно жестикулируя, он рассказал, что с ним произошло два дня назад он поехал на базар в Сохачев Отступавшие немцы погнали его с собой вместе с бричкой и лошадьми Авлация настигла эту немецкую колонну и начала ее бомбить Смерть косила людей направо и налево А он воспользовавшись смятением в лагере врага, пополз под рвущимися бомбами назад, перебрался через линию фронта и невредимым возвратился домой

22 января 1945 года, Бжесть-Куявский

От Варшавы мы движемся на Тарчин, Лович, Кутно, Бжесть-Куявский Везде взволнованные, радостные лица Нас громко приветствуют, встречают с восторгом Еще недавно здесь, на польской земле жило много немцев-арендаторов Они владели прекрасными барскими усадьбами Поляки же, которые работали у них батраками, жили в большой нужде

Скоро и Польша останется позади Мы победным маршем приближаемся к границам Германии

ГЛАВА 12

*С жестокими
боями к Одеру.
Берлин взят!*

Январь — март 1945 года

Мы прошли с боями всю Померанию на северо-запад. Брали города Штаргардт, Августвальде, Альтдамм и подошли к берегу Одера севернее Кюстрина, находясь на правом фланге 1-го Белорусского фронта.

Проезжаем город Вольденберг днем.

Еще издали видно, как горит он, как черные столбы дыма с ярким пламенем поднимаются в разных районах города. На одной из улиц дома горят с обеих сторон. Мы едем по огненной аллее. Свернуть в сторону невозможно. Искры от пожара летят и жалят, как пчелы, забиваются в одежду, и я едва успела потушить загоревшийся мех своего полушубка.

Наконец вырвались из пламени. Едем через покинутые немецкие деревни. Пусто. Никого. Голодный брошенный скот мечется по улицам. Стоит только сойти с машины, как непоенные и некормленные животные окружают тебя со всех сторон, ревут, с какой-то мольбой смотрят в глаза и, как нищие, ждут подаяния от человека!

19 апреля 1945 года

Один час дня. Мы переезжаем через Одер. Эти строки пишу, когда машина идет по исторической понтонной переправе. Здесь форсировала Одер наша дивизия. Какую-нибудь неделю назад река казалась страшным рубежом. От него дышало смертью, и трудно представить, что этот железный рубеж уже сметен.

Моросит дождь. Туман застилает берега. Нахмурилось небо, дымятся развалины Одер! Сколько томительных дней прошло в ожидании увидеть эти берега! Мало увидеть! Их нельзя обойти. Здесь надо работать, рисовать, рисовать во что бы то ни стало. Здесь шагает сама история, и мы вместе с ней шагаем.

И вот, как на зло, когда мы здесь, льет этот ненужный дождь, да и машину, в которой мы едем, нельзя задержать. Мы идем вперед, и чувство радости омрачается для меня сознанием, что я не в силах выполнить свою задачу и не в моей власти задержаться в эту минуту на исторических берегах.

К счастью, через несколько дней мне удалось снова быть на этой переправе, в районе деревни Ней-Глитцен. Я вышла из машины и, преодолевая чувство страха, быстро пошла к берегу. В этом районе еще оставались вражеские группировки. Однако было тихо. Вот, наконец, и берег. Что же это? Это поверхность не нашей, а какой-то другой планеты. Земля встала дыбом — все было вспахано артиллерией и авиацией.

Искалеченные немецкие траншеи в несколько рядов тянулись по берегу. Разбитые проволочные заграждения, как рваная паутина, налипли на израненную землю. Остатки погибших самолетов, скрученные спиралями металлические части, расколотые в щепы бревна, изуродованные машины, осколки снарядов, куски листового железа — все это было перемешано в кашу вместе с вывороченными камнями и рыхлой землей, почти сплошь покрытой воронками.

Я быстро сделала рисунок переправы и кусочка разбитой деревни Ней-Глитцен, которую брала наша дивизия. Но тут мое внимание привлекли огромные противотанковые надолбы, врытые в землю на высоком берегу Одера в виде толстых бревен. Они, как гигантская щетина, мрачно чернели на фоне серого облачного неба. Я немедленно с жадностью принялась за новый рисунок.

Тяжелые свинцовые тучи низко ползли над Одером. Ветер дул с реки, загибал листки альбома и мешал мне. Работа уже почти подходила к концу, как вдруг раздался выстрел, и неподалеку от меня возле переправы из реки поднялся высоко вверх огромный столб воды. Начался сильный минометный обстрел. Дрожащими руками заложила я рисунки в полевую сумку и прыгнула в глубокую траншею. Пустив еще несколько снарядов, противник решил, видимо, сделать передышку. С трудом я выкарабкалась из глубокой траншеи и бегом пустилась в деревню.

Конец апреля 1945 года

Кровопрлитные бои за Берлин. Мы — с севера. Район Ораниенбурга. Берлин окружают. Ожесточенные бои идут в самом городе. Недалеко то время, когда он падет!..

Предчувствуя близкое окончание войны, части нашей дивизии стремительно подвигаются к Эльбе.

1 мая 1945 года

Наша дивизия взяла город Ней-Руппин. Что здесь творится! Какое смятение, какой водоворот!

Огромная платановая аллея соединяет предместье с самим городом. Вот и главная улица. Город сдался. Изю всех окон свисают белые флаги, вернее какие-то четырехугольные полотнища. Немцам приходится брать длинные шесты и к ним прибивать свои накрахмаленные простыни. Это выглядит внушительно.

Население почти все осталось в городе. Бежать больше некуда. Целые обозы немцев, еще так недавно в панике бежавших от русских, воз-

вращаются обратно. Ими забиты все улицы и переулки. Ни проходу ни проезду.

Мне запомнилась одна повозка: гигантская колымага, сбитая из тесовых досок, крытая сверху. До отказа набита всяким скарбом. Задрапирована снаружи грубой материей, которую срывает ветер и треплет во все стороны. Запряжена парой здоровых сытых коней. Вожжи в руках молодой немецкой женщины, пышной и нарядной. Она, видимо, спасает свои лучшие одежды, надев их на себя. На фоне всей этой грубой обстановки фантастически выглядит ее нежно-голубое шелковое платье, утонувшее в кружевах. Она сидит на сундучке, как на козлах, и неистово, почти истерически кричит и плачет, то припадая на грудь рядом сидящей старухи, то снова изо всех сил стегает лошадей, которые не хотят ее слушаться и пятятся назад...

3 мая 1945 года

Ура! Ура! Тысячу раз громовое русское «ура»! Да здравствует Красная Армия! Вчера пал Берлин!!!

Наша дивизия вышла на Эльбу и соединилась с американскими войсками

На Эльбе.

5 мая 1945 года

Прибыли в Глевен, в районе города Виттенберге.

Эльба совсем рядом. Необходимо, пока здесь стоим, добраться до нее и сделать хоть набросок. Эльба! Даже на слух название этой реки уводит куда-то в историю. А теперь?

Великая Отечественная война закончена, и наши воины вписали еще страницу в историю этих берегов.

Сегодня после обеда идет туда попутная машина. Еду с ней.

... Вот она — Эльба!

Сколько поэтической прелести в этой спокойной, нежной, медленной в своем течении реке! На низких берегах разбросаны живописные деревушки, сады и рощи, которые, как в зеркало, смотрятся в ее чистые воды.

Я сижу на берегу и рисую. Предо мной лощина или пойма реки, где осталось много брошенной немецкой техники.

Сделала уже три небольших наброска, как вдруг увидела, что к берегу идет кто-то из военных. Какова же была моя радость, когда я узнала майора Владимира Прокофьевича Бородина, пом. начальника штаба нашего 29-го стрелкового полка. Я ведь слышала, что это он переправлялся позавчера к американским войскам на ту сторону Эльбы. Мы знали друг друга еще со времени боев за Брест, когда с 29-м стрелковым полком совершали марш на Белосток. Он тоже узнал меня и удивился

— Что вы здесь делаете? — спросил он

Я объяснила, что рисую Эльбу и настойчиво стала просить его рассказать, как он ездил к американцам на противоположный берег

«Это как раз было в той долине, что перед нами. 2-го мая наш 29-й полк вышел на Эльбу южнее города Виттенберге. Батальоны расположились на берегу и ночевали в деревушках.

Ночью меня вызвал командир полка подполковник Подлобко и передал приказ командира дивизии: переправиться наутро на тот берег и договориться о переносе встречи командиров дивизий.

Рано утром 3-го мая я с двумя связными тов. Бойко и Малдыбаевым пошел на Эльбу. Чуть брезжил рассвет. Мы остановились у реки на бугорке под деревом. На берегу Эльбы еще оставались раненые немецкие солдаты и, увидя советских бойцов, так перепугались, что некоторые из них бросились в реку, чтоб переплыть на западный берег.

В это время мы заметили на Эльбе пароходик, который медленно приближался к нашему берегу. Когда с палубы увидели советских бойцов, пароходик остановился и вдруг повернул обратно. Мы начали махать фуражками. Минут двадцать спустя пароходик отчалил от берега и подошел к нам. Мы спокойно вошли на палубу и попросили переправить нас на ту сторону.

На западном берегу нас ждали несколько человек американцев — солдаты и офицеры, которые руководили переправой. Они так радостно встретили нас, так искренне пожимали руки, улыбались, хлопали по плечу, что-то кричали, но мы, не зная языка, не могли понять смысл их приветствий.

Подошел американский офицер, как выяснилось потом, подполковник-сапер. Он пригласил нас в машину. Я с подполковником сел в первый джип, связные — во второй, и машины на бешеной скорости помчались от реки. Через несколько минут мы прибыли в штаб американского полка. Нас встретил командир полка, седой, пожилой полковник. Он приветствовал меня очень любезно и провел к себе. Меня заинтересовало размещение штаба: командир полка сидел в огромной комнате, куда надо было подняться по нескольким ступенькам. Отсюда из этой комнаты через стеклянную дверь он мог наблюдать за работой своих подчиненных.

Поскольку мы не знали языка, он — русского, я — английского, нам пришлось объясняться по-немецки. Я был знаком с немецким, а командир полка пригласил переводчика, и мы начали разговор.

Я изложил ему просьбу командира дивизии. Он куда-то позвонил и после телефонного разговора мы стали говорить о берлинской опера-

ции, о победе над гитлеровской Германией, причем командир полка очень высоко оценивал искусство советских военачальников по Берлинской операции

Затем принесли бутылку крепкого вина и очень маленькие рюмочки. Командир полка налил три рюмки, и мы трое — он, подполковник-сапер и я выпили за победу над фашизмом. Меня удивило то, что командир полка не пригласил к столу капитана-переводчика, и тот скромно отошел к окну.

Вскоре приехал из штаба американской дивизии ст. лейтенант Вилляйк. Он оказался простым украинским парнем, родители которого в период первой мировой войны переехали из Закарпатской Руси в Америку и там заменили славянскую фамилию Вилейко на Вилляйк. Ст. лейтенант хорошо говорил по-русски, и я пригласил его к нам в дивизию на переговоры. Вскоре мы тронулись обратно, прибыли с ним в свой полк, где Вилляйк испытал все прелести русского хлебосольства.

На следующий день мне пришлось продолжить свою дипломатическую миссию и прибыть в штаб американской дивизии, которая располагалась в богатой вилле в лесу, недалеко от города Стендаль.

Офицеры и солдаты штаба дивизии тепло встретили нас и пригласили на второй завтрак (по-русски — полдник), меня — в офицерскую столовую, связных — в солдатскую.

За завтраком шел оживленный разговор о последних боях с немцами и, хотя он происходил на ломаном немецком языке, мы хорошо понимали друг друга. Офицеры восхищались нашими победами над Берлином, генерал больше молчал, а иногда скептически улыбался.

После завтрака все офицеры выстроились посреди зала. Генералу принесли какую-то коробочку, из которой он вынул эмблему дивизии. Эта эмблема была нарукавным знаком офицерского состава дивизии. Под общие аплодисменты присутствующих генерал вручил ее мне.

Американские солдаты хоть и рослые, мужественные ребята, но все же чувствовалось, что к военной службе относятся несколько с холодком. В эти майские дни мы встречались с американскими солдатами и офицерами, как друзья, соратники по оружию и как воины, одержавшие победу над фашистской Германией.

С огромным интересом прослушала я рассказ майора Бородина. Пошла машина, мы простились с ним. По возвращении я тут же записала его рассказ в свой дневник.

Мы заняли целую деревню. Здесь смешалась вся наша дивизия Батареи и те почти в самой деревне. А наши героические гаубицы, пришедшие сюда на берега Эльбы из далекой березовой рощи, с берегов Оки, имели какой-то смущенный, озадаченный вид. Многие солдаты ходили счастливые, но в то же время растерянные, как будто чувствуя себя «не у дел». Они встретили меня радушно и, точно не веря самим себе, недоуменно повторяли.

— А нам приказано огня больше не вести. Вот до чего мы дожили!

Но что делается на дорогах Германии! Надо во что бы то ни стало

123

проехать за эти дни еще раз по этим дорогам и попытаться сделать зарисовки. Война кончается.

6 мая 1945 года

Мне очень везет! Нашла попутные машины — из медсанбата будут посылать за легкоранеными в тыл на 120 километров. Группы выздоравливающих остались за Ней-Руппином в Шенеберге, их надо оттуда вывозить. Другие машины пойдут за горючим — словом, надо торопиться! Ведь еще два-три дня — и вся эта людская лавина исчезнет навсегда, как призрак. Договорилась с начальством и с шофером Харченко. Еду с его машиной. Весенний солнечный день. На небе ни облачка. Едва мы успели выехать на главное шоссе, как увидели картину, которая навсегда останется в моей памяти.

По обеим сторонам шоссе ослепительным бело-розовым цветом буйно цвели груши и яблони. По шоссе и ближним дорогам на несколько километров вперед тянулся и уходил за горизонт длинный поезд из повозок и экипажей, битком набитых гражданским немецким населением.

Это те немцы, что бежали от наших наступающих войск из Восточной Пруссии на Одер, с Одера еще дальше на Запад и, наконец, на Эльбу. Очутившись теперь между двумя армиями — советской и американской,—они ринулись обратно на свои пепелища. Бесконечные колчаны этих кочевников медленно двигались по всем дорогам Германии. Чего только, каких только экипажей здесь не было!

Огромные колымаги, сколоченные из нетесаных досок, покрытые коврами, тряпьем и вмещавшие в себя целый дом с людьми и обстановкой, простые телеги, брички, двуколки, автомашины, которые тащились лошадьми, допотопные тарантасы, лакированные черные коляски с желтыми спицами колес, тракторы с привязанным к ним грузовым транспортом и, наконец, золоченые кареты 19 века — все это двигалось на конях,

волах, коровах или просто сами люди впрягались и на себе волокли жалкие остатки своего имущества.

Обгоняя огромную колонну немцев, шли другие толпы людей, шли тоже измученные, но ликующие и восторженные. Это были военнопленные, совсем недавно выпущенные из всех лагерей. Они брели пешком, имущество детей и больных везли на самодельных тележках или тачках.

Я видела флаги: польские, итальянские, французские, сербские, голландские, норвежские — люди многих национальностей шагали в эти дни по германским дорогам открытым подвигами, страданиями и героизмом советских воинов.

И, наконец, видна еще новая и какая-то угрюмая людская лавина, которая понуро бредет и местами вплетается в общую массу. Это пленные

немцы. Их — тысячи. Они идут большими партиями или группами по несколько сот человек, иногда даже без охраны, неся высоко впереди белый флаг. Их солдатская одежда еще пропитана дымом и порохом вчерашнего боя, еще не отмыты от оружейного масла их черные руки, лица мрачны и сосредоточены.

Но вдруг вся толпа расступается, теснится к обочинам дороги. Крики, шум сумятица. По освобожденному шоссе мчатся на машинах победоносные советские войска. Ветер развеивает красные полотнища боевых знамен. Ослепительное солнце заливает все это людское море. Лепестки яблонь, как белый снег, кружатся в воздухе.

Мы у великого исторического рубежа.

1967 год

Перечитывая этот дневник через 25 лет, мне кажется, что все это было только вчера. Как живые встают передо мной мои боевые товарищи. Где они? Как сложились их судьбы?

Печать, радио и телевидение помогли мне разыскать некоторых из них. 28-го декабря 1964 года в новогоднюю передачу Московское телевидение показало на экране мои военные рисунки, сопровождая их чтением текста из дневников. В заключение меня просили сказать несколько слов.

Я невольно обратилась мыслями к прошлому.

— Где же теперь вы, мои боевые друзья и товарищи? — сказала я. — Где военфельдшер Наташа Михалева? Где командир батареи Василий Иванович Акимов, тяжелораненый под Брестом? Где бесстрашный разведчик Ходосов? Где вы??

Много лет пыталась я найти их следы — все было напрасно! Но вот прошло всего лишь несколько дней после выступления, как некоторые сразу откликнулись.

Наташа Михалева!

С 1942 года, с тех пор, как мы с ней впервые встретились в медсанбате, где я рисовала ее, — я вижу ее, как наяву!

После войны в 1948 году я сделала с первоначального рисунка эскиз к картине тушью. Эта работа была помещена в экспозицию Третьяковской галереи. Я так и назвала ее «Военфельдшер Наташа Михалева», в надежде, что когда-нибудь она увидит свое имя и найдет меня.

Наташа откликнулась только в 1965 году, разыскав меня после телевизионной передачи. Помогла и статья журналистки Веры Голубевой «От Оки до Эльбы» в журнале «Работница», № 2, 1965 г. с отрывками из моих дневников.

Мы встретились с Наташей в Москве 9 мая в День Победы у меня на Якиманке. Нашлась она в Рязани, где теперь живет и работает. Немудрено, что я не могла отыскать ее. Она вышла замуж и носит уже другую фамилию по мужу — В. А. Коротенко, полковника нашей же дивизии из 29-го гвардейского стрелкового полка.

В 1967 году я закончила большую картину «Медсанбат», которую уже давно собиралась написать. Картина была на выставке «Защитникам Москвы посвящается» в Центральном Выставочном зале (в б. Манеже). Наташа Михалева приехала ко мне, и мы через 25 лет вместе с ней стояли у картины, композиция которой создавалась в далеком медсанбате в годы Великой Отечественной войны.

129

Командир батареи Василий Иванович Акимов! Вот удивительная судьба. Уроженец деревни из Смоленской области гвардии капитан Акимов, Герой Советского Союза, после тяжелого ранения под Брестом был эвакуирован в тыл.

Помню, как в июле 1944 года везли его с поля боя в повозке. Он лежал почти без признаков жизни. После операции в нашем медсанбате, где мне пришлось присутствовать, мы потеряли его следы.

Что же случилось дальше? Находясь на излечении в ряде госпиталей, В. Акимов попадает в Москву в госпиталь, выздоравливает и начинает готовиться в вуз, в институт Внешней торговли. Он блестяще заканчивает его в 1950 году. По роду своей работы ему пришлось побывать в таких странах, как Финляндия, Швеция, Франция, Англия, Голландия, Австрия, Италия, Индия, Цейлон и др.

В 1957 году он работает в Секретариате ООН в Нью-Йорке, с 1963 года во Всесоюзном Объединении Союзпромэкспорт, а в настоящее время он вице-президент Всесоюзного Объединения Союзпромэкспорта.

Третий, кого удалось найти, — Герой Советского Союза командир взвода разведки Ходосов. Он оказался жителем Сухуми

Николай Яковлевич Ходосов, будучи семь раз ранен, остался жив и все так же деятелен и полон жизни. Мы встретились с ним в феврале 1967 года у бывшего командира нашей дивизии Героя Советского Союза гвардии генерал-лейтенанта Д. К. Малькова.

В мае 1945 года после падения Берлина командир взвода разведки 29-го стрелкового полка 12-й Гвардейской Пинской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии был вызван в Москву.

9 мая 1945 года на Красной площади на параде в день Победы разведчик Ходосов был знаменосцем и нес знамя 1-го Белорусского фронта

В Москве живут и работают бывшие командиры наших гвардейских полков — гвардии генерал-лейтенант Веденин Андрей Яковлевич, бывший командир 999 стрелкового полка — ныне комендант Московского Кремля и гвардии генерал-лейтенант Колесников Иван Степанович, бывший командир 37 стрелкового полка — военный комендант города Москвы.

Коренными сибиряками стали бывший начальник штаба дивизии полковник Перминов Петр Ильич и бывший редактор нашей фронтовой газеты «За родину» — Иван Филиппович Веревкин

Я продолжаю поиски моих однополчан. Более чем в двадцати городах Советского Союза мне уже удалось разыскать своих товарищей. С каждым годом растет наша переписка, все чаще наши встречи, и не властно время над нашей старой солдатской дружбой

Написать эту книгу, посвященную памяти погибших и живых героев, моих боевых товарищей, я, как художник и человек, считала своим долгом.